

СИНДРОМ ИЗОЛЯЦИИ

Роман-судьба

Анастасия Архипёнова

Анастасия Архипенкова

Синдром изоляции. Роман-судьба

«Издательские решения»

Архипенкова А.

Синдром изоляции. Роман-судьба / А. Архипенкова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-598278-0

Одна пишет диссертации на заказ, вторая убирает объедки, а третья поет на похоронах. Каждая пытается отвоевать свою прежнюю жизнь, и только одной известна дата собственной смерти. Все это — лица Галины Барской, совершившей кульбит в неизвестность ради сына. Ее ждет лихая траектория судьбы с погоней за школьным автобусом и разговорами по душам с оленями. Это книга — о нас, ежедневно раскладывающих пасьянс из бытовых ситуаций и вечных русских вопросов...

ISBN 978-5-00-598278-0

© Архипенкова А.
© Издательские решения

Содержание

Анастасия Архипенкова	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
Глава 1. Одиннадцать-одиннадцать	7
Глава 2. Пампушка	14
Глава 3. Книга Саши Б.	23
Глава 4. Мама для мамонтенка	30
Глава 5. Кульбит	37
Глава 6. Узник	47
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	55
Глава 7. Проклятый дом	55
Глава 8. Кружок профессионалов	74
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Синдром изоляции Роман-судьба

Анастасия Архипенкова

Редактор Наталия Гребенюк

Дизайнер обложки Инга Бурова

© Анастасия Архипенкова, 2023

© Инга Бурова, дизайн обложки, 2023

ISBN 978-5-0059-8278-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Анастасия Архипенкова
СИНДРОМ ИЗОЛЯЦИИ
Роман-судьба

*Всем, кто поддерживал меня в минуты горькой
безнадежности*

Если не я для себя, то кто для меня?

Если я только для себя, то что я?

Если не теперь, то когда же?

Если не я, то кто?

Гиллель

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Ничего не начинается, когда начинается.
Михаил Веллер

Глава 1. Одиннадцать-одиннадцать

Галя Барская точно помнила дату собственной смерти – одиннадцатое ноября, угрюмая московская осень.

Перед судьбоносным разговором с Анной-Палной она забыла выключить телефон, и когда в кабинете грянул Сретенский хор, Галя охнула, будто от выстрела. Кинулась в сумку на раскопки (папки, кошелек, яблоко, прокладки, визитки, шампанское), глянула на экран и окаменела. До смерти оставалось несколько минут, но голова работала исправно. Быстро прокрутились ставки и риски. Барская огладила краешек казенного стола, поджимая пальцы в тесных сапогах.

Сообщение от Саши. Видеосообщение от Саши. От Саши, который никогда не звонил.

Она не глядела на начальницу, раздираемая желанием немедленно получить новую должность и удрать, чтобы посмотреть видео. Сын еще должен быть в школе... Что же случилось?! Галина увидела свое отражение в стеклянной дверце шкафа: прическа не растрепалась, на лице никак не отразился испуг; интересная блондинка возраста пушкинской гибели.

Услышав громогласное «Ты размахом необъя-а-тна-а-а», Анна Павловна Орлова вздрогнула и запнулась на полуслове. Пока тянулась пауза, на ее тяжелом лице проступили красные досадливые пятна. Никто из сотрудников кафедры не позволял себе легкомысленных пассажей с телефонами. Орлова ждала объяснений, постукивая винтажной перьевой ручкой по стопке бумаг. Она оглядывала кумачовые и малахитовые корешки дипломов, диссертаций и монографий, наваленных на подоконнике. Анна Павловна никогда не смотрела собеседнику прямо в глаза.

Галя повертела в руках телефон и неуверенно улыбнулась:

– Ради Бога, простите, Анна-Пална. Это от сына... Он никогда...

Заведующая помедлила и царственно кивнула. Семья в ее представлении имела смысл высокий и священный, как для итальянских мафиози.

– Конечно, Галина Михайловна.

Галя включила видео, детские голоса вонзились в кабинетную тишину.

Ей хватило пары секунд. Сердце подпрыгнуло и остановилось.

Прошлая жизнь ринулась с обрыва, как библейское стадо.

* * *

...Утро расщедрилось на добрые знаки. Гришка не проспал-не опоздал-не возвращался за сменкой-поделкой-докладом. Сашка не плакал, требуя от матери, чтобы та «подписала документы» и забрала его из школы навсегда. Маршрутка пришла вовремя, сапоги натирали терпимо, брюки не врезались в живот и даже глаза удалось накрасить симметрично.

Кроме посвященных, никто еще не слышал про новость года. Сегодня Галина Михайловна Барская, без пяти минут доктор наук, будущий профессор и прочая, станет заведующей кафедрой иностранных языков престижного университета.

Накануне ей позвонили из ректората: вопрос решен, Палну – в деканы, тебя сделаем зав-кафедрой. Но Главный поставил условие: защититься в течение года. Галя быстро ответила, что ей осталось доработать введение и первую главу. Благодетель угукнул с пониманием: стрелы ученые руют практическую часть работы, а уж потом подгоняют теорию.

Ее компьютерный файл «Диссер 2» хранил одну страничку с титульным листом, но Галя не боялась блефа. Имея вожделенную морковку, она сдюжит. А потом... Ох, она себя покажет!

Давай, рассказывай мне, как все плохо в России! Теперь уж точно никуда не поеду!

Ночь накануне совещания вышла рваной. Галя то и дело бегала в ванную – выцедить тайком сигарету. Ополаскивала лицо, тревожно глядясь в зеркало: не выдает ли оно постыдный страх? Нет. Маска уверенности не сползает и даже нигде не жмет, а вот мыльные брызги давно пора отдраить.

После, после!

Перед счастливым зеркалом они с Сашкой шаманили каждый вечер: группировались, чтобы увидеть потусторонних двойников – ангельское личико сына и ее, в общем-то, привлекательную мордашу – и серьезно твердили:

– Я сильный. Я умный. У меня все получится.

Она не верила в дурацкие аффирмации, но ради сына и кровь барана по углам квартиры стала бы лить. Знакомые из Улан-Удэ говорили, мол, обряд – веками проверенный.

Главное, их мантры очень помогли Саше.

На этом камне и создавала церковь свою...

Не спалось потому, что приснилась себе в образе диковинной птицы – худощавое лицо, испуганные глаза очень славянского, серо-голубого, оттенка, а вместо рук – крылья. Отбилась от стаи и почему-то никак не могла взлететь. Все искала дорогу к своим, забредая в грязную жижу и обливаясь слезами.

Очнувшись от грозного морока, Галя вытерла мокрые щеки.

Последний раз она плакала во сне после консультации в центре «Дети», когда молоденькие психолог и логопед диагностировали аутизм у ее младшего сына.

Наутро замазала синяки под глазами и помчалась на работу. В метро репетировала удивление, смущение, сомнение (справлюсь ли с кафедрой в сто двадцать человек?), глядясь в черное стекло с надписью «не прис онят я». Стерлись буквы... В детстве папа загораживал их пальцами, выходило «не писотья». Ей было ужасно смешно, пусть и с ошибкой написано, о чем Галушка каждый раз ему сообщала.

Она родилась со встроенным камертоном грамотности, так что навязанный филфак казался не мезальянсом, а волнующей интрижкой, которая переросла потом в крепкий гражданский брак. Ну, а беспомощные мечты о ГИТИСе и сцене легко заменяются учительским вдохновением. На занятиях с прилежными корейцами, хитроумными китайцами и смекалистыми российскими студентами Галина Барская была и актрисой, и певицей, и режиссером – царем и богом тоже неплохо работать!

Труднее всего в семнадцать лет, когда одуряют сознание *сквозное действие* и *сверхзадача*...

Пампушка отсек ее бредни легко и задорно, точно шашкой махнул. Тебе, Галушка, разве что Мордюкову в кино замещать, с твоей-то фактурой, сказал жестко. Сильная женщина – председатель колхоза, ты об этом мечтаешь? Отец считал артистку своей: она ж с Кубани. Чай, родня почти. Ну, куды ты, Галина, с такой... хм... *диссертацией* в театральный *попресся*? Вспомни, как поступил товарищ Сталин: Светлана тоже дурилась, а он пресек. Сначала получи

нормальное образование, а потом делай, что хошь. Еще спасибо скажешь *батюшке сваму*. Редкая специальность – русский как иностранный! Плюс диплом переводчика... Тю! Да все соцстраны будут наши, дочурка! ЮНЕСКО-фигеско, МИДы-шмиды – много их, кормушек. Устроит тебя батюшка – будь здоровчик!

Союз развалился незадолго до первой сессии.

Русский язык «братушки» теперь в гробу видали.

А вот английский давал хлеб с икрой плюс три тысячи за «корочки» доцента-кандидата.

Теперь еще и должность замаячила...

И все-таки лицедейство лезло из Гали, как расстоявшееся тесто.

В курилке, которую звали военно-полевым госпиталем (огромная грязно-белая палатка, стоящая в тридцати метрах от здания университета, – ректор ненавидел курильщиков), Барская закатывала спектакли, что твоя Джулия Ламберг.

И дети-то у нее – гении, особенно младший... Уникум! Репетиторов найму, чтоб в школе не скучал. И муж – просто душка: кто еще перед *этим* ведет в ресторан и пылесосит квартиру, чтобы жена не упыхивалась?

А самой тебе *это* не требуется, спросила насмешливая Лана.

Галя скорее умерла бы, чем позволила сбить себя с роли. Человек я творческий, можно сказать, богемный, терпеливо сказала она. По ночам то статейку накидаю, то как открою труды известного нам Джеффри Лича¹ – так и пропаду с ним до утра... Зато после двадцатилетнего стажа у обычных людей это происходит банально и быстро, а у нас – неизменный девятый вал!

В сигаретном дыму повисла тяжелая туча зависти, но актер обязан выкладываться до конца! И хрипела душа кишками наружу, и покорялся Эверест ее сверхзадачи.

Мама только заскучала, продолжала выступление Барская. Мигрени, упадок сил, настроение... с нашим вечно серым небом, с нашим климатом... Так что весной отправимся в Германию, на воды.

Кульминация, финал: не надо меня подвозить. Вася, водитель мужа, вот-вот появится.

Браво. Выходим на поклон. Лана шепнула на прощание: снимаю шляпу. Она устало кивнула.

Обойдемся сегодня без шляп и бисовки. Еле дышу.

...Домой Галя добиралась четырьмя видами транспорта, предварительно выждав, пока коллеги оседлают «ниссаны», «kia» и «тойоты».

Полуживая вваливалась в квартиру, вылезала из ненавистных шпилек и сразу попадала в эпицентр катастроф, вселенских и местечковых. Гриша кидался с воплями у порога. Мам, я его убью! Он опять залезал на подоконник и скакал голый! Какие-то гопники записали его на телефон!

Саша кружился юлой, сбивая сумки и шпильки. Его самолетные руки задевали висевшие пальто и двери встроенного шкафа-купе. Галя вспомнила, что так и не разобрала заваленные проволочные полки, которые так удачно скрывали хаос за гигантскими дверями. Они жили в старой «сталинке», потолки позволяли использовать пространство с умом. Вот только сил не хватало до шкафа добраться. Сын бормотал извечное «он не виноват-не виноват-он обидел маму-Саша не виноват».

Мать Гали, Алевтина Михайловна, угасала тягучие восемнадцать лет, неохотно расставаясь с земным притяжением. Даже в самом тяжелом состоянии она оживала, когда появлялась возможность высказаться. Эти сволочи меня в могилу сведут! Где же ты, вешалка, вешалась, что пришла ночью? Звонили Минасяны, хотят учить их обалдуя. Возьмешь? Только они

¹ Джеффри Нил Лич – крупнейший британский ученый-лингвист. Здесь и далее – прим. авт.

могут в десять вечера, не раньше. Айрапетовна с Сашкой из сил выбилась, отпустила ее домой в пять. Сажу и подыхаю с твоими обормотами. Звонили из его школы: родители хай подняли. *Не хотим в одном классе с вашим идиотом...*

Галя усаживала маму на биотуалет, придерживая костыли и отвечая на все сразу. Конечно, возьму обалдуя Минасянов, деньги-то нужны. В школу поеду завтра, все решу. На работе – полнейший завал. Сама знаешь, мне же ФПК² навесили до кучи! Университету дали денег, теперь надо срочно показать, куда мы их тратим. У меня группы профессоров, я им в дочки гожусь. Пыхтят бедные: «Стив из илл», стараются, а мне их стыдно гонять. Анна-Пална, как всегда: это – на перспективу, голубчик. Ты же знаешь, мам, как у нас все устроено. Защитила диссер или только пишешь – не суть. Кафедре ты обязана по самые уши! Сядут на бесплатную шею, лягут хорошенько и погнали! Словно сами за тебя и диссер напишут, и материал соберут. Мне еще публикации собирать, по всем нашим ученым бегать, таблицы заполнять, отчет составлять годовой... Ну, ничего, мам! Это и впрямь на перспективу. Просто я никого в курс не ставлю... Инна Ивановна приходила? Что про Сашку сказала? Нормально занимался? Гришка, дуй за ним в комнату! Чую, опять на окне сидит!

Последнюю фразу она выкрикнула из кухни, набивая рот холодной картошкой. Ела прямо из сковородки, не ощущая ни вкуса, ни сытости. Затем, ужаснувшись, принялась готовить на завтра, проверяя неправильные глаголы у Гришки.

Коллеги, а старший выучил английский самостоятельно, представляет?

Теперь отыщем, где прячется *уникум*... Интеллектика для малышек, логика для младших школьников, рассказ по картинкам, упражнения по нейрокоррекции, дыхательная гимнастика. Дыши, сынок, и дай отдышаться маме...

Саша убежал и плевался, прятался в шкафу и вылезал оттуда голый, победоносно размахивая штанами. На проверке пословиц Галя сдалась и ушла в ванную. Давилась слезами, выдыхая дым в вентиляционную решетку. Потом она скажет, что бабушка накурила.

А младший – гений!

Ежевечерняя серия вопросов про Карабаса-Барабаса (нет, он не кусается), про то, что сказал Шершуля любимому Лунтику. Баста, отбой! Ты – самый сильный, умный, у тебя все получится. Гришка, попробуй мне только алгебру не пересдать! Все, спать, будете орать – поубиваю.

На подушке валялся томик работ *известного нам Джеффри Лича*. Во втором часу ночи можно читать хоть про Курочку Рябу – все одно: бессмысленные глаза и неживая голова падает на страницы.

Олег в командировке. Слава Богу. Не хватало еще *этим* заняться.

Она зажмурилась и потрясла головой, озираясь во тьме семантики и прагматики языкового знака.

Гришке скоро поступать. К тому времени авторитет к. ф. н., доц. Барской Г. М. должен взлететь прямиком до ректорской двери. И Гришка тоже обязательно взлетит. Сразу же после окончания универа.

Чтобы никогда. Ни при каких обстоятельствах. Чтобы никогда и ни при каких обстоятельствах его брат не попал в ПНИ³.

* * *

Анна Павловна пришла на работу в кожаном удлиненном жилете, напоминающем фартук мясника. Это был один из ее счастливых нарядов, кафедральные дамы обменивались взгля-

² Факультет повышения квалификации.

³ Психоневрологический интернат.

дами. То ли медаль на образовательной выставке получила, то ли монографию за границей напечатала – главное, дамы, что-то хорошее происходит, значит живем спокойно недели две.

Барская вошла в захлащенный кабинет и заперлась на ключ под одобрительным взглядом Орловой. Сегодня – день особенный, пусть никто не тревожит. Галя увидела на полу большую дизайнерскую сумку, похожую на те, что любили челноки в девяностых. Анна-Пална привычек не меняла: швыряла сумки на пол, дешевые или неприлично дорогие, как, например, эта – коллективный подарок на Новый год. Со своей потертой сумкой Галя забывала расстаться даже на трибуне. На фотографиях она смотрелась, как измученная инстанциями советская тетка: сведенные брови, морщина на лбу, торба с документами прижата к груди.

Завкафедрой вытащила из холодильника одинокую бутылку водки.

– Полейте мне на руки, – бросила она. Сейчас, особенно сейчас, нельзя заболеть. Бывало, Анна-Пална приходила на работу с температурой под сорок. Покажешь слабинку – скинут или сожрут. Наружная дезинфекция, упаси Господь, не внутренняя, не повредит. Ну-у-с, начнем...

Обе заговорщицы расположились напротив друг друга – впервые Галине Михайловне позволили сесть на стул покойной предшественницы Орловой, первой и главной заведующей кафедрой. Из этого закутка, обросшего монбланами дипломов, монографий и диссертаций, произрастала всесоюзная слава об уникальной языковой подготовке их университета. На этом святом месте сживали только самые приближенные люди.

Что ж, пока полет нормальный, подумала Галя. Ей пришлось протиснуться между шкафом и столом. Она отодвинула неаккуратную горку диссертаций, готовых в любой момент поглотить оба рабочих места. В руках Галина стискивала сумку, все равно ее было некуда девать. Прилегающий к столам подоконник был доверху завален ветхими книгами, переплетенными дипломами, от которых исходил легкий запах стариковского дома. В шкафах хранились самые ценные кафедральные изыскания – рукописи, сборники статей, научные журналы – все, что принадлежало перу обеих заведующих.

– Галина Михайловна, голубчик, – начала Орлова задушевым тоном.

* * *

...Голубчика, между прочим, Галя заслужила.

Путь вверх занял непростительно много времени. Девять лет добросовестной возни с первокурсниками, разве что носы им не вытирала. Она безжалостно обкрадывала семью, посвящая месяцы и годы чужим детям. Конкурс песни, театральные постановки, алло, мы ищем таланты, выпуск самодельной газеты (*у нашей группы будет своя! отдельная! это так круто, ребята!*), лекции заезжих гастролеров (*носители языка! ну и что, что не по теме, идем обязательно!*). Была в ее материнской страсти и осязаемая цель: страстно хотелось воспарить над строчкой «отв. за внеучебные мероприятия» в годовом кафедральном отчете. Дальше, дальше и желательно бегом – женский репертуар номенклатуры и так узок, и так ограничен по возрасту!

Банкеты, кафедральные посиделки (*рыбки, Галина Михайловна, колбаски копченой захватите!*), стихи и песни советских композиторов, апофеозный канкан с мужем «нашей дорогой Анны-Палны» (растянулась в неуклюжем шпагате, месяц ходила потом враскорячку). Выпьем, друзья, за кафедру, за науку, за новые достижения!

Ну а теперь дослужилась до престижной табели о рангах. Не зря надрывалась, значит.

Слышишь, я заслужила сама! Не понадобилось тебе бабла отсытять.

На диссертацию Галя отвела три летних месяца и успела. Писала лежа на животе бессмысленные для вечности строчки, шаг за шагом приближаясь к вехе из букв к. ф. н.

Сашка в это время прыгал на ее попе; веселая игра «Мама – лошадь».

За эти месяцы небрежения к сыну она себя так и не простила. Шестой год возвращалась мыслями в памятный день личного Ватерлоо.

Скажите, мамочка, вам известно, что такое «аутизм»?

Вспоминала и вздыхала. Ах, если бы... Вот бы раньше она заметила его странные взгляды в сторону, ослиное упрямство с процедурой одевания, выкрутасы с едой, бормотание о себе в третьем лице, мельничные взмахи руками, кружение по комнате и прочие, теперь уже, очевидные симптомы...

Она выстояла, благодаря казачьему упрямству. Полетела ввысь, радостно взваливая на себя задания Анны-Палны: желанный берег показался на горизонте, а руководству об этом знать не нужно. Определим количество бакалавров для отчета по НИРС⁴, зарубежные публикации – для НИР, подадим заявку в РГНФ... Надо будет – и унитазы кафедральные пересчитаем!

* * *

– ...чудо-голова! Ваши успехи в коммуникативистике не вызывают сомнений, равно как и ваши заслуги перед кафедрой и мной лично...

Орлова не могла преподнести сногшибательную новость без разогрева публики.

Придавая лицу выражение экстаза, Галя вспомнила, что ее карьера могла рухнуть из-за двух медалей ВВЦ, которые она так легкомысленно пропустила в отчете Анны Павловны.

В ту пору Барская только входила в курс дел. Ей кинули лирическую должность «зама по науке» в обмен на чувство собственной значимости, поскольку в штатном расписании такая единица отсутствовала. Вместо прибавки к окладу, Барская упивалась новым статусом, позволявшим входить в кабинеты высшего руководства. Полезные связи, нужные люди, приемы в узких кругах – да это не лестница, а эскалатор! Лифт скоростной для человека системы.

А вот с наградами Орловой маху она дала, конечно. Выпустила такую важную деталь! Анна-Пална компьютером пользоваться не умела, так что Галя приносила ей напечатанные листы для правок. По ночам выверяла опечатки, придавая документу структуру из мозаичных сведений: кусочек автобиографии, фрагмент прошлого отчета, списки научных статей – на двадцати трех страницах две медали ВВЦ за монографии Орловой то появлялись, то пропадали. В конце концов они исчезли, хотя других заслуг Анны Павловны хватило бы на двух академиков. Кто же знал, что она лелеяла даже свои школьные грамоты?!

– Лысой хотела меня перед ректором выставить! – орала тогда Анна-Пална. Мощное драматическое сопрано в нижнем регистре звучало не хуже Монтсеррат Кабалье, чей портрет с автографом торжественно сиял на столе заведующей. Было дело, встречались *в рамках мероприятий*...

Что ж, не оправдываться, не мямлить, не спорить. С таким психотипом Галя была знакома с рождения. Отвечать уверенно, спокойно и по-военному четко. И не дай тебе Бог рыдаться. Слезы питают тиранов.

– *Mea culpa*⁵, Анна Павловна. Не доглядела. Не злого умысла ради.

Начальница помолчала и великодушно взмахнула рукой.

– Ладно, *culpa mea*, – передразнила она покаянный тон Гали. – Откуда вы знаете испанский?

⁴ Научно-исследовательская работа студентов.

⁵ Моя вина (лат.).

– Так это же латынь, все филологи обязаны...

* * *

– ...и позвольте мне... приказ ректора... подписанный от... заведующей кафедрой назначается...

Подписан приказ? Уже?!

Галя не смогла подобрать правильную маску. Стиснула в замок дрожащие пальцы.

Думаешь, уломал меня на Америку?! Дудки!

Уже растягивались губы в смущенной улыбке, и руки тербели сумку, из которой весело поглядывала серебристая шейка «Асти Мартини» (а у меня как раз случайно... отметим?), когда вдруг бахнул хор Сретенки:

Ты размахом необья-а-тна
Нет ни в чем тебе конца-а-а...

Обе вздрогнули.

Кивок Анны-Палны. Поиск телефона. Опция «смотреть сообщение».

Галя резко поднялась. Ринулась в узкий проход и застряла между шкафом и столом, задевая веер диссертаций. Уродливая гематома на бедре еще три недели будет напоминать о дате остановки сердца.

Одиннадцать-одиннадцать.

Орлова тарасилась и держала наготове изумленные брови.

Наконец, Барская ее заметила:

– Извините... я не могу... Я не буду завкафедрой...

Билась плечом в закрытую дверь, после трех болезненных ушибов сообразила, что сама запиралась на замок. Вылетела в шумный коридор. Четыре лестничных пролета вниз, многолюдный холл, зазывающий танцами народов мира – почти ежедневно здесь праздновали день независимости: для студентов из ста пятидесяти стран повод всегда найдется.

Чудом проскочила через толпу неузнаваемых лиц и хороших знакомых из ректората – к счастью, они были заняты беседой с каким-то важным индусом. Выскочила из главного корпуса, называемого всеми причастными *Крестом*. Сверху здание университета действительно походило на крест, и в этом Гале всегда мерещилась некая горестная обреченность.

Застегивая сумку на ходу, она раздраженно вытащила бутылку «Асти» и сунула ее в урну.

Добежала до автобусной остановки, поминутно вытирая очки от мелкого, почти невидимого дождя.

Села в старенькую «девятку» частника, дожидавшегося более жирных клиентов – студентов из стран Ближнего Востока.

Назвала такую цену, что водитель молча рванул с места. Гони, милый, гони!

Вытащила из кошелька клочок бумаги с номером телефона.

Там уже глубокая ночь, наверно... плевать!

Набрала номер и стучала кошельком по коленке, дожидаясь ответа.

Услышав сонное «алло», выпалила:

– Я согласна!

Глава 2. Пампушка

«Галина, дочь моя!

Я должен поставить точку в нашем разговоре. Договорить то, что не успел, хотя бы в письменной форме. Высказать все, чтобы не свихнуться и не сдохнуть оттого, что сотворила ты, глупая...»

Михаил Юрьевич бросил карандаш, закурил «беломорину» и откинулся в зеленом кожаном кресле, ставшем единственным компромиссом уникального интерьера. Офис гендиректора Пархоменко представлял собой точную копию кабинета вождя в московском бункере. Креслом пришлось поступиться из-за непроходящей боли в пояснице. Глава холдинга «ТовКом», бывало, высиживал по тринадцать часов кряду. Название фирмы (товарищество и коммерция), а также ее герб и гимн он придумал в девяностых, когда объединился с бывшими комсомольскими вельможами: умными, не подлыми, остро чувствующими время. У юных бизнесменов были идеи и золото партии, у Пархоменко – опыт и чутье. Занимались поначалу всем подряд, постепенно выгрызая собственную нишу: салоны красоты, медицинские центры, строительные фирмы, парочка ресторанов. У каждого направления имелась своя изюминка – Пархоменко на этом настаивал. «Товком» разрастался, в середине нулевых Михаил Юрьевич переселил свое детище в чудесный светло-зеленый особняк. Теперь можно было неспешно заниматься нестандартной отделкой кабинета.

Сталинская неприхотливость в быту обернулась для него ослепительной суммой денег. Плевать, оно того стоило. Всякий раз посетители – бизнесмены, депутаты, налоговики, юристы – тушевались и робели, переступая порог. Пархоменко восседал за массивным столом, глядя на них точь-в-точь как на парадном портрете Хозяина – с хитрым прищуром. Кабинетное убранство давило на визитеров так, что Пархоменко побеждал раньше, чем брал слово. Для человека, умеющего снимать дивиденды даже с помощью интерьера, невозможного было мало.

Вот только с дочерью вышел полный крах и облом.

Он огладил зеленое сукно на дубовом столе и коснулся лампы в малахитовой шляпке с полями, украшенными четырьмя гербами СССР. По соседству с кокеткой безмолвствовал *правильный* бюст товарища Сталина. Неправильный – бронзовый барельеф на подставке из камня ценных пород, с двумя звездами Героя Советского Союза – он подарил старшему внуку Григорию. Вождь отличался скромностью, от второго звания, навязанного лизоблюдами, открестился. Не считал себя вправе, объяснял Михаил Юрьевич. Похоронили, правда, с двумя звездами на кителе, но при жизни Великий и Мудрый носил только одну.

А теперь ты, Григорий-не-Мелехов, плюешь на память предков и едешь в свое американское Катманду...

Гришка обижался:

– В Маунд, дед, в Маунд! И это еще под вопросом! Мама не определилась, ищет для нас с Сашкой по инету лучшие школы.

– А я и говорю: ты в своей Катманде *развернесся*. Будешь в лучшей школе стучать одним местом по столу. Рассказывать америкашкам, сколько будет дважды два...

Гришка неуверенно смеялся. Строгий дед позволил общаться с собой на равных совсем недавно, после объявленной *всеобщей эмиграции* Барских. С ним, как и с дедом, никто не посоветовался: мать считала, что в семье не бывает никакой демократии. Наплевать на Гришкиных друзей, футбольную дворовую команду и Катьку Михненко, с которой они, между прочим, уже целовались...

Дед Миша стал единственным союзником и тайным заговорщиком. Отныне, провозглашал дед, ты, Григорий, являешься главным носителем генофонда Пархоменко; только в тебе течет наша казачья кровь.

Противоречие законам биологии не смущало и даже льстило шестнадцатилетнему Грише.

– ...И лучшим днем твоей жизни станет тот, когда твой друг-негр Джон купит тебе, Григорий, гамбургер и прочую американскую хрень...

– Да лан тебе, де... это уже перебор!

– Я серьезно, Григорий. И вот если ты скажешь мне, что вот это – и есть счастье, я в ту же секунду застрелюсь! Клянусь! Ибо для русского человека, для человека, умеющего мыслить...

«...Пройдут годы, Бог даст – десятилетия, и ты осознаешь, какой страшный поступок ты совершила. Грех и позор несмыаемый: ты отреклась от Родины и убила собственного отца...»

После того, как он лишился дочери, ноги отказывали. Шаркаю, будто Гитлер в последние дни войны, думал он с горечью. Ну и ладно. На кой таперича? Жизнь – затоптанный костер...

«Масштаб предательства гораздо шире, чем ты можешь представить своим скудным умшиком. Ты проехала танком не только по ридному батьке, но всему нашему великому роду. Оставила выжженную степь, по которой я бесцельно бреду, опозоренный и разрушенный...»

Одиннадцатого ноября без предъявления каких-либо претензий его единственная дочь совершила свое вероломное нападение. Услышав новость о бегстве во вражескую страну, Михаил Юрьевич качнулся и вскрикнул. Он велел ей немедленно ехать в «Тарас Бульбу» на Пятницкой, но сообразив, что время позднее, твердо сказал, что ждет ее завтра к открытию ресторана. Не надо прятаться за телефоном, Галя. Я должен лично взглянуть в глаза твои бесстыжие.

Он растерялся еще сильнее, чем Иосиф Виссарионович двадцать второго июня. Вождь-то понимал, что война неизбежна и готовился... А дочка, его светловолосый клопик, с пеленок распевавшая песни о родине, его кровинка...

В корчме они друг на друга не глядели. Спустя несколько минут ровного, явно отрепетированного монолога дочери, Пархоменко осознал, что его совета и уж тем более – отцовского благословения никто не спрашивает.

Он вскочил, смахнув со столика бутылку минеральной воды, и двинулся на Галину. Рука застыла на полпути от ее лица, перекошенного в деланной усмешке. Галя смотрела презрительно. Ну, давай, попробуй, врежь, вспомним детство. Дерзко сказала, без дрожи. Предложила орудия ее мнимых пыток: детскую лопаточку из песочницы, шланг от стиральной машины, ремень, хворостину и чем-там-еще-ты-лупасил-меня. Не лупасил, а воспитывал! И мало, как выяснилось, порол! Смертным боем надо было дурь вышибать! А я жалел: как же, девочка...

– Никого ты никогда не жалел! – крикнула дочь.

Слова Галины растворялись в странном, нарастающем шуме. Михаил потряс головой, налил пятую стопку горилки, подцепил славный вареник с картошкой. Скрипнув зубами, выпил и закусил.

Змею подколенную я грел все эти годы, сказал он спокойно. Оберегал, как коршун, подстраховывал, подсоблял, а ты вон, значит, как? Гадюкой обернулась? Отец твой был, нескромно говоря, организатором и вдохновителем всех побед. Вырвал из лап матери, устроил в луч-

ший университет, заставил сдавать два курса экстерном, отправил работать, чтобы ты быстрее узнала цену денег на хлеб. Заставил тебя по-настоящему вкалывать, защититься, двигаться ввысь, не сидеть квашней!

Галя слушала, опустив голову. Щеки ее пылали. Затем она бесстрашно вклинилась в бой, повышая голос. Пампушка не признавал поражений, но и уступать не умел.

– Неправда, никуда я не лез, ни во что не вторгался. Личная жи-и-знь, – передразнил он зло. – Ну тебя напсих со своим муженьком!

«Отрезвление наступит быстро, Галина. Мой прогноз – год, максимум – два. Ты осознаешь цену своему поступку и будешь наказана за предательство родного отца и родной земли. Ведь Родина, как и вера, дается Богом раз и навсегда...»

– Нет другой страны, кроме России, где может жить русский человек, – говорил отец вдохновенно, ковыряя вилкой аппетитный смалец.

В ресторане они были единственными посетителями, до бизнес-ланча оставалось полчаса. Пархоменко похрустывал пальцами, Галя заплетала неуклюжие косички на бахроме скатерти.

– А ты... ну, кто ты такая?! – Пархоменко перешел на крик. – Может, ты еврей? Баптист? Диссидент? По каким таким критериям жизнь в России стала невозможной?! Бро-о-сь, не дурись, чертова кукла! Нет таких проблем, которые нельзя было бы решить! Мне стыдно и горько: моя дочь... как крыса... Да, страна больна! Не отрицаю. Да, не все гладко в отечестве... Но у моей кровинки, казачки, православного человека и мысли не должно быть...

Ну понеслось, подумала Галя. Выдержать бы, не разнюниться. Бер-бир, пер-пир, мер-мир...

– Как говорил вождь, пусть осенят тебя образы великих предков! Бабушки-дедушки... прапрадед-герой Александр Пархоменко – все они смотрят на тебя с ужасом и сочувствием! Ибо ты выжила из ума. Ногой растерла святыни! Плюнула на крест и страдания, их пот и слезы – все растоптала, все уничтожила!

У стола переминалась официантка, не решаясь прервать грозного мужчину в дорогом костюме. Она хотела осведомиться насчет десерта.

– Чем ответишь?! – кричал он, отсылая рукой девушку в цветочном венке. – Какими словами оправдаешься на ТОМ суде?

Галя собиралась что-то сказать, но не успела.

– Да, у тебя была мать-инвалид. Да, у тебя ребенок, как ты говоришь, особенный. А жизнь – не только праздник, Галина! Небось, не жила в оккупации, не искала в степи колосок, не едала картофельных очисток? Не дрожала в немецком плену, как твой двоюродный дядька? Не падала в голодный обморок, как твоя бабушка? Отрастила заднее место размером с корыто. Стиралка, посудомойка, вода вольная – на речку ходить не надо. Машина под боком – муж довезет, ходить скоро разучишься! Всю жизнь держу тебя в узде, не давая жиреть, а ты все стремишься в дерьмо уютное...

«...Горько вспоминать, до какой низости ты докатилась: орала на родного отца! Отреклась от заповеди почитания родителей. Из всех достойных примеров наших родственников ты выбрала самые свинцовые мерзости и самые чуждые идеалы.

Стыдно и больно объяснять... Для истинно русского человека счастье никогда не было высшей целью. И если рука тебя соблазняет – отруби ее! И если муж тебя соблазняет американской нечистью – ты знаешь, что делать. Лучшие стать матерью-одиночкой, чем предателем...»

В дверь постучали, он бросил негромкое «да-да», не отрываясь от письма. В комнату осторожно вошла Катерина, дородная красавица-секретарь. Она несла поднос, на котором горел янтарным боком чай в серебряном подстаканнике. Лимон, кусковой сахар, печенье-курабье, мармелад Катя разместила справа от желтой «вертушки» с гербом СССР. Телефон был просто сувениром, который придавал убранству нужную краску достоверности, но некоторые посетители верили в то, что Пархоменко могут позвонить из Кремля. На подбор артефактов эпохи, пошив ярусных штор на «Мосфильме», изготовление мебели по собственным чертежам ушло полтора года.

– Что-нибудь еще, Михаил Юрьевич?

– Да нет, спасибо, Катенька. Мне кто-нибудь звонил?

– Только ваша дочь... Но вы же запретили...

– Все правильно, все хорошо. Вы свободны.

Катя попятилась задом к двери.

Михаил Юрьевич углубился в чтение написанного, но вдруг вскинул глаза.

– Катя, принесите мне свежие газеты и, если можно, соедините с Григорием. У вас есть его американский номер?

– Да-да, конечно. – Катя поспешно закрыла за собой дверь, и через минуту по селекторной связи раздался ее застенчивый голос:

– Гриша на проводе.

Пархоменко схватил трубку, нажал кнопку и услышал ломающийся голос внука. Ну, здравствуй, это я, привычно начал он строчкой из Высоцкого – и осекся. Придется отвыкать от особого их с дочерью приветствия, их тайного пароля... Докладывай, Григорий, какая *обстановка*. Да не переживай ты, ведь я-то держусь! Вернетесь вы. Вот увидишь, мать твоя поймет, что Америка – страна для нас не пригодная. Одумается... А если нет – тебе восемнадцать скоро стукнет. Куплю билет, приедешь в Москву, отсыпем бабла кому надо, в любой универ пойдешь. Выбирай, какой хошь – дед твой любой вопрос порешает! Обойдемся без мамаш. Терпи, казак. Учись так, чтобы пот полотенцем со лба вытирал, понял? Как Александр? Нравится ему? Ну, дай Бог, дай Бог...

Он услышал шепот дочки: «Спроси, как он себя чувствует» и свернул разговор. У меня все отлично, Григорий, так и передай. Будь здоров, мне пора.

Пархоменко встал и медленно прошелся по периметру кабинета. Постоял у стены, выступившая на дубовой панели «Прощание славянки» – гимн его холдинга, марш его жизни. Священная музыка Агапкина, выдающийся текст Мингалева. «Встань за Веру, Русская Земля!». Хор «Товкома», в котором Пархоменко был дирижером и главным солистом, исполнял песню так, что у слушателей перехватывало дыхание. Теперь совершенно невозможно выпевать берущие за душу слова. И без того все сотрудники, от зама Нестеренко до уборщицы Нины Ильичны, смотрят на директора с жалостью.

Михаил Юрьевич положил на подоконник пачку папирос, поднял торжественные французские шторы и распахнул деревянные рамы.

Где и когда, подумал он, закуривая. Где и когда я упустил Галину?

* * *

«Я прекратил называть тебя дочерью, но это не значит, что ты перестала ею быть...»

После омерзительной встречи в ресторане его потянуло в Замоскворечье – туда, где прошло Галушкино детство, а их жизнь с Алевтиной протекала еще более-менее сносно. Он бро-

дил по знакомым улицам и переулкам в надежде вытоптать приемлемый план. Память терзала его теплыми воспоминаниями: здесь, в зеленом скверике, Галя ходила в ясли, там, на Бахрушина, напротив бывшего детского кинотеатра – в садик. Впихнул ее в лучший ведомственный сад с огромным трудом. Взятки не брали, полгода пришлось выступать с лекциями о положении за рубежом в красном уголке Краснохолмского камвольного комбината.

От Новокузнецкой улицы ноги ведут в проходные дворы – Пятый Монетчиковский переулок, престижная «английская» школа. *Я буду круглой отличницей, мампушка!* И этого не смогла ты выполнить, дочь. Рыдала, что неспособна забраться на канат и решить задачки по математике. Неуклюжая, тяжеловесная, чего греха таить – наша порода. Только никто из *наших* не сдавался, волю надо было развивать, землю грызть!

До Балчуга, где состоялся их первый философский разговор, он теперь не дойдет. Возраст. Там, у дверей музыкальной школы она спросила... Нет, лучше ничего не вспоминать. Да и школы теперь уж нет.

Великолепное замоскворецкое время. Лучшее. Маленькая Галушка, преданная и послушная. Социальная справедливость, пусть с перегибами на местах, но коммунисты, по сравнению с сегодняшним днем, – люди святые. Богатства стеснялись, в трусах по сцене не скакали, и слово «совесть» имело смысл почти церковный.

А какой тополиный запах стоял во дворе Новокузнецкой! Всегда вспоминаешь степную родину с пирамидальными тополями, хоть и не растут они здесь... Жаль, что нынче не лето. За сорок лет жизни в Москве он, человек южный, так и не привык к ее стылой-постылой холодине.

Пархоменко вышел из дворика, где пронеслось его личное счастье, свернул направо и остановился у церкви Николы в Кузнецях. Он смотрел в низкое небо, вдыхая морозный воздух и упрасывая неговорчивого Бога о вразумлении отступницы.

Если бы он вошел в двери старинного храма, то увидел бы у иконы Николая Чудотворца свою плачущую непутевую дочь.

Но за полгода до эмиграции они так и не встретились с Галей. Не созвонились. Михаил Пархоменко всегда отвечал за свои слова.

* * *

– ... умер от разрыва сердца, если бы я тебе сказала, что творится в Сашиной школе!

Я умер не от этого, Галушка.

– Против системы интернатов, советской, заметь, системы бесполезно бороться, пап!

Бесконечное размусоленное нытье о том, как непросто жить.

Будто существуют на свете легкие времена. Нет! Времена всегда одинаковые, да и люди не меняются. Всегда есть подлецы, и умницы – единицы, но разве ж думал я, в кого превратится моя собственная дочь? Как у Симонова: «Он еще не знал этого и спокойно ехал вперед, навстречу гибели»⁶.

Где это все, что я заложил в тебя и воспитывал? Куда подевалось?! Через тернии – к звездам. Победа приходит в сраженьях. И как бы трудно ни бывало, ты верен был своей мечте. Ты все забыла, Галушка?

Дочь улынулась правым уголком рта:

⁶ Цит. из книги «Живые и мертвые».

– Так я же об этом, пап. А может, есть счастье без рвущихся жил и терний? А вдруг мы не обязаны его выстрадать?

Он поднял бровь, и Галя без труда прочитала: «Ты шо, дурочка, что ль?»

– Ты поступал, как считал нужным. В своих ли интересах действовал, в моих – сейчас не важно, – Галя разговаривала с ним, как с чужим. – Теперь я буду делать то, что нужно для *моих детей*. Если не увезти Сашу в Америку, он закончит жизнь в ПНИ. Это психоневрологический интернат, если ты не знаешь.

– Что ж... Я ему очень сочувствую, но значит... Это – его судьба.

Галя поднялась со стула, положила на столик оскорбительную тысячу рублей и отчеканила:

– День вылета и номер рейса ты знаешь.

Его взгляд потемнел. Он вскочил, брезгливо схватил Галины деньги и сунул ей в карман пальто. Сказал с ожесточением, удерживаясь от крика:

– Если ты сейчас уйдешь, ты мне больше не дочь.

Галя отшатнулась, уводя глаза в сторону, но Пархоменко заметил ее слезы.

– Таков твой последний отцовский наказ? – глухо спросила дочь.

– Именно так. Ты прекрасно слышала. Если не одумаешься, прошу мне больше не звонить. Никогда!

* * *

Михаил Юрьевич курил в распахнутое окно, вспоминая проклятую сцену. Это – конец, осознал он тогда, расплачиваясь с официанткой. И пока блуждал по Пятницкой, все повторял эту гибельную фразу, привыкая к тяжести оледеневшего сердца. Он ощущал себя человеком, который только что развернул в руках «похоронку». Кружил у метро, нашептывая строчки великого казака:

Уходили мы из Крыма
Среди дыма и огня;
Я с кормы все время мимо
В своего стрелял коня⁷.

И если бы в ту минуту был под рукой пистолет... Нет, в дочь бы он стрелять не стал.

Он видел Галушку в последний раз, разглядывая через окно ресторана ее неровную походку. Каждый ее шаг, покачивание из стороны в сторону и отмашка правой рукой напоминали ему себя. Пархоменко вышел на улицу, рыдая в голос.

Да, застрелиться сейчас было бы наилучшим решением. Жить теперь незачем.

Он шел, не стесняясь слез и отмахиваясь от участливых женщин. Даже сейчас эти бабы не оставляют его в покое!

Наутро он вызвал Ревзина, достал из сейфа свои таблицы, на которых были расписаны суммы и названия банков. Каждый лист украшал художественно выписанный эпиграф: «Дочери моей Галине, внукам Григорию и Александру посвящается».

– Вот, Борис Соломонович, – деловито сказал Пархоменко – Левый столбец полностью откладываем на похороны.

Повел плечами и добавил:

⁷ Стихотворение Н. Н. Туроверова.

– Давайте для подстраховки захватим еще две строчки, отсюда и отсюда – видите? Место на кладбище – дорогое, я узнавал. Распоряжения по моим похоронам у вас имеются. Я не тороплюсь, но все под Богом...

– Понимаю, понимаю, – подхватил Ревзин. – Остальное?

– Остальное – дочке моей, Галине. У вас есть все ее контакты.

– Ну, разумеется.

– Прошу вас оформить все незамедлительно. Деньги на дачу – видите, тут отдельный столбик? – туда же. В общем, так сказать, наследие. Поздно, да и ни к чему... Сколько вам времени нужно? Ну, добро, Борис Соломонович. Ценю вашу расторопность.

* * *

Выкурив три папиросы у окна, Пархоменко вернулся за стол. Он раскрыл свежий номер «МК», пробежался глазами по передовице и срочным новостям в «подвале», принялся было читать колонку Белковского, но через мгновение осознал, что бессмысленно водит глазами по строчкам. На соседней странице периферийное зрение выхватило слова *ПНИ*, *аутизм*, и он тут же обратился в заинтересованного читателя.

Журналисты свое дело знали: статья начиналась жестко и хлестко.

«Меня поражает, что можно взять человека и запретить его посреди Москвы безо всякого приговора!»⁸

Михаил Юрьевич, не глядя, дотянулся до недоеденного курабье и принялся рассеянно жевать.

«...родственники держат в психоневрологическом интернате... парня лишили дееспособности... ПНИ – это нищета, безнадежное и бесправное доживание... это ГУЛАГ... относятся к проживающим как к недоделкам...»

По всему выходило, что после смерти матери восемнадцатилетний начитанный парень, игравший на фортепиано Дебюсси, очутился в семи метрах казенной комнаты интерната, оставив трехкомнатную квартиру на «Площади Ильича» своей предприимчивой тетке.

Вот оно, подумал Михаил Юрьевич. А ведь я сколько раз задавался этим вопросом. Определиться уже сейчас, как быть с Александром *после*... Наметить план, составить график, выработать стратегию, найти надежного человека... Звонил Галине и требовал четких решений, а она истерила:

— Не мучай меня! Ты же бьешь по самому больному! Разве ты не понимаешь?!

Так нужно было не раскисать, а выход искать!

И вот она нашла. Этот выход.

Незаметно для себя он съел печенье, мармелад, а также кусковой сахар и нарезанный лимон.

«...для досуга подсовывают раскраски, а на прогулку он ходит в строю. И так будет до конца его жизни...»

⁸ Кузина Анастасия «Недееспособен к сопротивлению» // газета «МК» от 31.07.2012.

Ловкая тетя оформила племянника в психушку за считанные дни. На экспертизу ушло каких-то пятнадцать минут: конечно, недееспособен; на тебе, парень, новый диагноз – шизофрения – и катись-ка ты в ПНИ, где таким, как ты – самое место.

Строчки он перечитывал по несколько раз, будто не доверяя себе. Каменел лицом, застыв над столом в неудобной позе. Глаза прыгали по абзацам:

«...В нашей психиатрии диагноз «аутизм» существует только в подростковом возрасте...»

«На территории всего бывшего Советского Союза аутисты автоматом в восемнадцать лет превращаются в шизофреников...»

Об этом дочь, кажется, упоминала, но так ли страшен черт?

«...Если проявить рвение и что-то помыть, вынести мусор, то за это можно получить стакан чая вне очереди, бутерброд с маслом или лишний раз выведут покурить...»

Он похлопал себя по карманам, потянулся в портфель, достал новую пачку папирос и закурил.

«...Его подняли ночью и в футболке и тапках отвезли в психушку. Забирать ночью – это генетическая память...»

Ну, разумеется. Без намека на Сталина не обошлось.

Тем не менее, Михаил Юрьевич был потрясен. Он просидел в оцепенении добрых полчаса, прежде чем поднялся и сделал несколько тяжелых шагов по кабинету. Выглянул в приемную: Катя печатала на компьютере утренние документы. Начальник-ретроград по-прежнему писал только от руки.

– Что-нибудь нужно, Михаил Юрьевич?

– Нет... – задумчиво ответил Пархоменко. – Вы вот что... меня сегодня не будет, я поеду домой. До завтра, Катюша.

– До завтра, – протянула секретарша с удивлением. Время – полпятого, раньше девяти Пархоменко с работы не уходил.

Михаил Юрьевич вернулся к столу, засунул бумаги в портфель, погасил лампу.

Кажется, все. Нет.

Он скомкал недописанное письмо и поджег, ожидая, пока оно догорит в огромной хрустальной пепельнице с окурками.

Через неделю он объедет все столичные интернаты, безуспешно пытаясь проникнуть внутрь. Не помогут ни деньги, ни уговоры, ни обширные связи.

Тогда он попросит Катю составить список ПНИ ближнего и дальнего Подмосковья, захватив, на всякий случай, Владимирскую и Тверскую области, и двинется в путь. Трижды в неделю они с Генкой-водителем отправлялись засветло, чтобы возвратиться поздней ночью ни с чем.

Наконец Пархоменко повезло. Его впустили.

* * *

После той поездки он не спал всю ночь. Сидел на кухне, приканчивая бутылку водки, закусывая хлебом, краковской колбасой и подвявшим помидором. Пепельница не вмещала окурки, а голова – мысли.

Наутро поехал в офис. Привычно уселся в кресло, начал читать договор о субаренде. Внезапно буквы раздвоились и побежали веселым хороводом. Через секунду они обратились волнами, уплывая от Пархоменко прочь.

Михаил Юрьевич хотел потерять глаза, но правая рука не слушалась. Тогда он потянулся к селекторной кнопке и тут же завалился на пол. Колесики компромиссного кресла предали его в самый нужный момент.

Глава 3. Книга Саши Б.

Я сижу в шкафу. Надеюсь, меня не найдут. В американских домах нет подоконников. А жаль.

Раньше я все время сидел на подоконнике. Иногда вставал на него и танцевал. Меня снимали на телефон. Я думал, это весело. Мы жили на первом этаже.

Анна Айрапетовна говорила тоненьким голосом:

– Разве так мо-о-ожно, Саша? Разве можно ходить с голой тутухой? Тем более перед женщинами. Ты ведь умный мальчик, мой *балá*, да?

Я хотел все время повторять это «дааа?». Мама говорит, *непоправимая бакинская интонация*. Или неповторимая? Я не уверен.

Тутухой и *тутушкой* она называла мои интимные места. Я больше не слышал такое слово. Может, это по-армянски. *Балá* по-армянски значит «ребенок» или «дитя». Анна Айрапетовна – армянка и еще моя няня. Очень добрая и ласковая. Мама говорит, ангел земной.

Я все время раздевался догола. Теперь я уже знаю, что стыдно показывать другим свои *private things*⁹ (не буду переводить, неудобно). Это *inappropriate behavior* (неподобающее поведение).

Я прячусь в шкафу одетый, а не голый. Мама громко спрашивает, где Саша. Она говорит:

– Может, он в шкаф забрался?

А я отвечаю:

– Нет, его там нет!

Мама достает меня за руку и ведет к автобусу.

Это мой первый день школы.

...Прошло много лет, но я все помню очень хорошо.

Я пишу в своем ноутбуке; он исправляет ошибки. Я ненавижу ошибки!

Когда мы приехали в США, мама сказала, что я должен вести дневник, чтобы не забыть русский язык. Я писал его с ручкой¹⁰ в блокноте. У меня был очень плохой дневник. Давно выкинул его. Писал всякую ерунду: «Встал, поел, подрался с Гришкой. Был в ресторане и видел живого лобстера». Но я все равно продолжал. Чтобы не расти дураком. Мама говорила нам с Гришкой, что не позволит расти дураками.

Теперь я точно знаю, что я и не дурак вовсе. У меня другая проблема.

...Мама ведет меня к школьному автобусу. Она говорит: «Ты сильный, ты умный, у тебя все получится».

Дело в том, что я очень боюсь идти туда.

Вся эта история случилась из-за школы.

* * *

Перечитал, что тут написал. Что ж, хорошо выходит! Может, будет книга потом. Заработаю много денег.

⁹ Интимные места (англ.).

¹⁰ Герой использует кальку с английского – to write with a pen.

Надо использовать *transition words* (переходные слова)¹¹, так учила меня миссис Шульд. И еще. Мама говорила, обязательно давать человеку предысторию. Начинать всегда так: помнишь, как давным-давно...

...Помнишь, как давным-давно ребенок по имени Саша родился в России, в Подмосковье. Его мама по имени Галя возила его в коляске.

У Саши был брат Гриша и папа Олег. А еще – бабушка Аля. Сейчас ее нет.

Гриша развлекал Сашу. Придумывал разные игры. «Вонючка и милиционер», например. Мы бегали по квартире, Гриша был милиционер. Он меня догонял, а я был вонючкой. Я убегал и прятался. Потом мы пели песню:

Вонючка и милиционерrrr
Снова с на-ами!
Вонючка сбежал из тюрьмы,
А милиционерrrr его хватает!

Когда Саша родился, Гриша стал выдергивать волосы на голове. Это у него от нервов. Думал, что его брата семья полюбила больше. Он страдал. Ходил лысым. В Америке стал волосятым.

Саша стал говорить рано. Первые слова – мох, галка и бык. Когда ему стало один год и семь месяцев, он узнал весь алфавит. И даже твердый знак, мягкий знак и букву «и краткое» (передает звук «й», он всегда мягкий).

Все это мама называла словом *поразительно*. Раньше я его путал со словом *паразитина*. Опять забыл про *transition words*! Буду выделять их, чтобы не забыть.

Таким образом, мы с Анной Айрапетовной рассматривали разные альбомы и книги. Когда мне было три года, я знал всех русских писателей по именам и отчествам. Я их так и не прочитал, это очень сложные книги. *Например*, я знаю, что Бунина зовут – Иван Алексеевич, а Паустовского – Константин Георгиевич.

Также мама рассказывала мне многие книги. Она говорила, что должна пересказать мне школьную программу. Я знаю истории про собачек Муму и Каштанку, но совсем не помню сказку про Дубровского. Другие рассказы выпали у меня из головы. Это смотрится мне скучным.

Следовательно, мои любимые книги: «Чудесное путешествие Нильса с дикими гусями» (автор – Сельма Лагерлеф, в пересказе Марка Тарловского, год издания: 1998, твердый переплет, тираж: 20000 экз.) и книга «Львенок и Черепаха», ее написал Козлов Сергей Григорьевич (а тираж не помню: был маленький и не умел читать).

Но книгу про Нильса с гусями я читал целый год, когда приехал в Америку. Мой учитель мистер Ти (его фамилия Таллаксен, но никто его так не называл) говорил, что это очень сложная книга, раз я ее так долго читаю. Книга сложная, правда. Я ее читал и читал, пока не выучил наизусть. Мне легче выучить, чем рассказать «своими словами и полным ответом». Так говорила Анна Айрапетовна. Она учила в школе русский язык. *Иными словами*, учила в школе всяких учеников.

В результате, про Львенка и Черепаху мне читала бабушка Аля. Лет с двух и до восьми, пока не скончалась. Бабушка доходила до места, когда бревно оживало, и оно превращалось в крокодила. И бабушка превращалась в крокодила. Она говорила «кхе-кхе» особым голосом, и я прятался за ее спину.

¹¹ В русском языке им, в основном, соответствуют вводные конструкции.

В заключение бабушку звали Алевтина Михайловна, но я ее звал Алечкой. Я не любил спать один и ночью шатался по чужим кроватям. Приходил к маме с папой, спал в ногах.

Также я ходил к бабушке. У нее была одна нога, много места для меня на ее кровати.

Баба Аля говорила:

– Ой, опять *квартирант* мой пожаловал!

Я долго запоминал это слово и говорил бабушкиным голосом:

– Ой, опять *континент* мой пожаловал!

Она часто меня ругала за поведение, называла паразитом и другими матными словами.

Тогда я говорил ей: «Алечк-а-а-а!». Сердце ее таяло. Так она говорила. Я не очень понял. Наверно, как сердце Кая в сказке про Снежную королеву.

Потом Алечка умерла.

Потому что ее сердце растаяло навсегда.

Фу, я опять сбился! Я же хотел про школу. Допишу завтра.

* * *

Мама говорит, что у меня вместо головы – захламленный чердак, куда я складываю неинтересные детали и даты. Я не умею выделять главное и застреваю на неглавном.

Я помню дни рождения и отчества всех людей, которые мне говорили хоть один раз, когда у них дни рождения, какое у них отчество.

Еще я помню все номера мобильных телефонов. Даже тех, кто давно умер.

Люблю повторять слова, которые мне говорили в детстве.

Это всех раздражает.

В школе мне все время говорили про *inner speech* (внутренняя речь; я залез в гугл-переводчик, чтобы узнать, как это по-русски). Дома меня ругали. Гришка говорит, что я так никогда не заведу герлфренд (такое слово есть в русском языке).

Разговаривать словами в голове – *not exciting* (не захватывающий). Мне нравится слушать ушами, как это звучит.

Я захожу в ванную, включаю воду и приговариваю: «Где мишка-где мишка-где мишка?».

Наверно, я должен дать предысторию опять. А то никто не поймет.

...Помнишь, как давным-давно я пошел с папой на прогулку. Мы застряли у киоска. Папа смотрел, какие газеты ему взять, а я думал про игрушки. Они были приклеены скотчем. И я увидел петушка. Сайчас я бы его ни за что не купил. На такую ерунду нечего и тратить. А тогда я сказал:

– Пап, купи петушка.

Сказал очень тихо.

Папа наклонился ко мне и спросил:

– Где мишка?

Он меня не расслышал.

До сих пор мне очень смешно. Но людям не нравится, когда я бубню этот вопрос.

...Сегодня я вспомнил рецепт торта «Мишка». Приготовил его для Софии. А Тейлору нельзя. Ну я бы не дал ему, он маленький.

Я готовил и говорил сам с собой. *Awesome* (отлично смотрящийся)! Никто не ругался. София вообще не ругается. То, что я говорю сам с собой, не смотрится странным для нее.

Я намазывал коржи сметаной и представлял: вот зайдет сейчас папа, а я ему скажу:
– У меня для тебя есть «Мишка».
А он обязательно спросит:
– Где мишка?
А я достану торт из холодильника:
– А вот!!!
Но папа не зайдет.
Никто сюда не зайдет. Это дом Соф.

* * *

Когда мы переехали в Америку, у меня появилась своя комната. По ночам я прибежал к Гришке. Потом я привык и очень рад, что у меня есть свой *private space* (личное пространство).

Раньше я думал, что американцы живут плохо, потому что у них нету хлеба. Это мама так со мной хитрила, чтобы я не ел хлеб. Я был очень толстый. Когда она перестала давать мне рисполепт и другие лекарства (акатинол мемантин, кортексин и еще много других, но это, наверное, опять лишняя информация), я стал вести себя очень плохо. И я требовал только хлеб. На завтрак, обед и ужин. И ничего больше. Хлеб с маслом и с вареньем и чай-чай (так я говорил в детстве).

Я думал, чая в Америке тоже нету. Когда мы заказывали еду в ресторане, я сказал «чай», и официант мне принес очень странный напиток с молоком. Я не стал пить. Просто я не знал английского тогда. Чай – это *tea*.

Я очень психовал, когда мы переехали. Боялся школы и не говорил по-английски. Теперь я его выучил.

В русской школе мы учили английский вообще-то. У меня выходила фигня, мама со мной делала домашку. Мама учила английский в университете. Еще у нее было много учеников после работы. У нас с ней не получалось. Даже стишок *Kate, Kate, make a cake*. Мама говорила, что у меня во рту – камни. Или манная каша.

Гришка тоже плохо знал английский. Когда его мама учила, она его била ручкой. Кричала, что он тупой. *Также* она плакала. Мне не говорила, что я тупой. Потому что я умный и всегда слушался.

Однажды она сказала: «Летом мы переезжаем в Соединенные Штаты Америки». И стала нас учить каждый день.

Я сначала не понял правильно. Говорил всем, что еду в Определенный Штат Америки.

Люди говорили:

– Ишь ты, какой загадочный!

Мама считала, что не надо меня учить. Сначала надо *поставить* русский язык. Я не уверен, что это. Поставить – куда?

В России меня учила мама и еще Инна Ивановна. Она была моим логопедом. Мы занимались по учебникам; они стоят у меня на полке над столом. Я помню, как сказал Инне Ивановне, что Узорову зовут Ольга Васильевна, а Нефедову – Елена Алексеевна. Это авторы учебника. А она ответила, что это знать необязательно. Лишняя информация.

Я все время попадаю в разные ситуации, потому что не знаю, что нужно говорить, а что – нет.

Маминой ученице Маше я сказал, что Гриша уже стал дяденькой. У него росли волосы полоской на животе. Мама меня сильно ругала, а Гришка дал по заднему месту. Это было давно, лет семь мне тогда было. Совсем малыш.

Папиному начальнику я сказал:

– Извините, что не позвал вас на свой день рождения. Я хотел, но папа сказал, еще чего. Что он, друг тебе что ли?

Все это я произнес папиным голосом.
Папа неделю со мной не разговаривал.

* * *

...Давным-давно, когда я ходил в русскую школу, я совершил преступление. Теперь я это понимаю.

Миша Ложкин, Овик Гаспарян и Петька Матвейчук подошли ко мне на перемене и сказали:

– Дай десять рублей!
Я сказал, что у меня нет.
Тогда они спросили:

– Хочешь с нами дружить?

Я обрадовался. Конечно, я хочу. Со мной никто не разговаривал в школе. Только Игорь Мокроусов. Я ему помогал вырезать бабочку по труду. Сейчас я понимаю, что с Игорем было что-то немножко не так. Как и со мной. С ним тоже никто не дружил.

Тогда мои друзья сказали:

– Пойдем в магаз и сопрем бутылку колы.
Я не знал, что это значит «сопрем».

У нас за школой был магазин. Я никогда не выходил на улицу на перемене. У меня немножко побоялся живот. Как на горках или в самолете. Но мои друзья сказали:

– Не ссы, Барский! Мы же идем с тобой! Мы мигом вернемся обратно.

В магазине они мне велели положить бутылку маленькой колы в рукав свитера и пройти незаметно через кассу. Овик покупал сухари «Три корочки», а я прошел. Наверно, это смотрелось незаметно. Никто ничего не говорил.

На улице они отобрали у меня бутылку и кричали:

– Ну, круто же, Санек! Молоток!

Я прыгал с ними и кричал, что это круто.

Я давно исповедовал этот грех. И за второе преступление покаяться тоже.

* * *

...Тогда прошел мой день рождения и День труда. И мне надо было идти в американскую школу. Я боялся. Учительница схватит меня за ухо и заорет:

– Куда смотришь?! Опять ворон считаешь?!

Я выучил, что такое значит – считать ворон. Я знаю много странных выражений: «один в поле – не человек», «без труда – не очень», «льет, как из ведра».

Еще я боялся, что пропущу одну строчку, а не две и не отсчитаю одиннадцать клеток слева.

Тогда американская училка даст мне по затылку и скажет:

– Сколько раз тебе можно говорить, тупой ты недоумок?!

Я не знал, как будет «недоумок» по-английски.

Помнишь, когда мы летели в Америку, Гришка меня спросил в самолете:

– Как сказать «ушлепок» по-английски?

И я сказал:

– Эшлепок.

Я боялся, что заплачу. И все будут ржать. А учитель скажет:

– Хватит рыдать, рыдающий лебедь!
Раиса Раифовна всегда так мне говорила в первом классе.

Еще я боялся, что случится тот случай... Про него не хочу писать.
В тот день меня мама отключила от школы.

* * *

...Я стою нарядный с цветами на остановке. Мы ждем автобус. Подходят другие ребята. Они очень плохо одетые: в футболках и шортах. Наверное, они очень бедные.

Я решил пошутить и говорю маме:

– Он боится!

Я когда был маленьким, то говорил всегда «он», а не «я». Потом меня Инна Ивановна научила. Я по ней не скучаю. Мы занимались много лет, я взял от нее отпуск.

Мама делает странные брови:

– Александр, ну-ка, не дури! Ты что, не знаешь, как надо правильно?

Я говорю, что это шутка. Но маме не весело. Она говорит, если я так еще раз пошучу, она не даст мне смотреть «Лунтика». Я переживаю. Вдруг не даст? Я очень люблю смотреть, как там объясняют все. Правила, как надо жить.

* * *

Сейчас я очень редко смотрю этот мультик. Я уже взрослый дяденька.

Я перестал смотреть много передач: «Большие буквы» с Женей Кривцовым и Буквоедом, «Мы идем играть», где Дед Секрет, Стрекотуша и Мишка Тишка.

Я оставил это, когда мне было семнадцать лет.

Еще я любил «Давайте рисовать» с Феей Фиалкой и Калякой-Малякой. И «Волшебный чуланчик», передача про Бериляку.

София не знает этих передач. Потому что она – американка. Она почти не смотрит телик. Готовит и убирается.

Я стригу газон или чиню что-то. Дом у нее плоховатый. Хорошо, что я все умею. Золотые руки, мама сказала.

Я подписался на Сашу Киреева. Раньше он был в передаче «Вопрос на засыпку». Я спрашивал его в прямом эфире, если он вернется в передачу. А он посмеялся и сказал:

– Вы еще про нее помните?

Конечно же, я помню! Я смотрел ее десять лет!

Теперь Саша Киреев поет песню «Мир, который подарил тебя». Очень мне нравится эта песня. Она – про меня и Соф.

Еще я подписан на Артура Пирожкова (настоящее имя – Александр Владимирович Ревва). Я все время пою «Зацепила меня». Это замечательная песня. Про Софию тоже.

В моей голове живет аутизм. А в сердце его нет. Я знаю, что значит «любить». Я люблю Софию. Теперь даже больше, чем маму.

* * *

– ...Повтори еще раз, – говорит мама.

– My name is Alex. I am from Russia. I don't speak English¹².

Это все, что я знаю по-английски.

Я сажусь в автобус и думаю, что мама тоже поедет со мной.

В детстве я боялся с ней расставаться. Ходил как приклеенный. *Бабичий побздень*, говорила бабушка Аля. Это значит, я все время держался за мамину юбку.

Я плакал в русской школе. Боялся, что дядя Вова меня не заберет, и я никогда не увижу свою мамочку. Дядя Вова – наш друг и еще водитель.

Александр Николаевич был очень добрый мужчина. Это охранник в школе. Он гладил по голове и говорил, что сейчас за мной приедут.

Дядя Вова возил меня три года и три месяца. Школа была в деревне. Ехать двадцать минут.

Он забирал меня, и когда мы проезжали магазин «Самохвал», звонил маме и говорил своим страшным хриплым голосом:

– Галюнь, мы уже у «Самосрала»! Выходи встречать своего покемона!

Я потом часто смеялся, когда понял эту шутку.

...Маму не пускают в автобус и я начинаю плакать. Сначала мелкими слезами, а потом сильно. Как рыдающий лебедь.

Я смотрю в окошко и кричу страшным хриплым голосом:

– Ма-мааа!!!

Она тоже плачет. А потом кричит:

– Не бойся сынок! Я бегу за тобой!

¹² Меня зовут Алекс. Я из России. Я не говорю по-английски.

Глава 4. Мама для мамонтенка

– ... Не бойся, сынок! Я бегу за тобой!

Заплаканное лицо ребенка; прилип к окну родной пяточок.

Десять из десяти матерей сделали бы то же самое.

Мариванна бросилась в погоню, словно и впрямь могла догнать школьный автобус. Бежала тяжелой гусиной трусцой, сжимая кулаки; в такие моменты ее глаза становились разносмотрящими.

Автобус повернул направо и скрылся, Мариванна перешла на отчаянный, для ее возраста и веса, галоп. Непрошенные картинки врываются в мозг: мультяшная гигантская Муха отъелась на харчах Зайчонка, да и похитила тетеху; глупый сказочный Петушок польстился на горошек и был незамедлительно подхвачен Лисой...

Кот и Дрозд, спасите меня!

Вылетев из сонного района таунхаусов, она очутилась перед ревущим хайвеем. Ничуть не растерявшись, повернула почему-то налево и мчалась до тех пор, пока ее не пронзила страшная мысль: а вдруг ей – в другую сторону?!

Мариванна вросла в тротуар и схватилась за живот. Страхи за детей всегда оборачивались симптомами медвежьей болезни. Это пройдет, это нервное... но куда мне, куда?!

На пешеходной дорожке, что тянулась вдоль шоссе параллельным стежком, не было ни души.

Сердце отбивало «Прощание славянки», руки тянулись к голове. Хотелось сесть на асфальт и предаваться бездумному выдиранию волос.

Мариванна хорошо разбиралась в проблемах коммуникативного этностиля, но в плане ориентации на местности она оставалась клинической идиоткой. На родине справляться с этим недугом ей помогали домочадцы, попутчики и сердобольные прохожие. Здесь, в миннесотской пустоши, она застыла, как гигантский суслик в степи.

Наконец вспомнила, что у нее имеется такая штука, как телефон. Новенький андроид без кнопок, начала его осваивать всего неделю назад. С опаской потыкала в нарисованные цифры и слышала голос мужа. Заверещала:

– Олег! Олежек, милый! Куда мне бежать?! Срочно скажи, где Сашина школа?

– Ты где? – поинтересовался разумный муж.

– На дороге!

– Конкретнее. На какой? Что ты видишь вокруг?

– Ну, что я вижу? Машины одни! – Мариванна зажала рот, чтобы не всхлипывать в трубку.

– Так, соберись и оглядись вокруг. Церкви, магазины, заправки – что-нибудь точно там есть!

И верно: ее окружали могучие торговые центры «Таргет» и «Каб фудз».

Олег соориентировался и велел ей бежать в другую сторону.

Мариванна рванула, не теряя страстной решимости спасти ребенка. Проклятый мозг изощрялся: теперь ей чудился мамонтенок на льдине.

Пусть мама услышит, пусть мама придет!

Мариванна вонзила ногти в потные ладони и припустила еще быстрее.

Ей стало понятно, что такое – второе дыхание.

* * *

Первый учебный день в Америке должен был стать памятным семейным праздником. Задумка Мариванны удалась: семья запомнит этот день на века.

Ночью потела спина и сохло во рту. Утром ее сын-аутист с нулевым английским войдет в класс к тридцати враждебным балбесам. Приказано выжить. Сценарий предстоящего события опирался на Господа Бога и талант Мариванны *решать вопросы*. Еще в юности, обнаружив в себе дар медвежатника, она вскрывала любые двери начальства и договаривалась, договаривалась... К моменту отъезда из России сложноустроенный мир бюрократии был покорен. Она добывала подписи, печати и справки с удалю фартового налетчика и меняла окраску быстрее хамелеона. За сутки приходилось перекрашиваться по несколько раз: то она либерал, то коммунист, то несчастная мать-одиночка, то надменная подруга Иван-Иваныча. Под иван-иванычей Мариванна завела бордовую записную книжку, полную сложных схем и заветных фраз. При отсутствии связей импровизировала: манипуляции, взятки, маневры Кутузова с московским пожаром.

На завтра требовалось полное сопровождение сына: от автобуса до последнего урока в школе. С учителем она, разумеется, уже познакомилась. Как попасть в класс – разберется на месте, а вот как уломать водителя – думай, мать, тормози мозг!

Прокрутив варианты, Мариванна решила напирать на инструкцию и особенности сына. Начинать с подкупа в чужой стране все-таки боязно. Сделает жалостливое лицо, коротко скажет о непростых обстоятельствах и помашет перед водителем автобуса желтой бумажкой с правилами.

Листок этот достался ей по случаю тренинга «Безопасная поездка» в школе старшего сына. Юношей с бритыми ногами и подбородками и девиц в совсем не школьных декольте муштровали, как солдат прусской армии. Мариванна наблюдала за тренингом, скрываясь за темными очками. Неопытный Гришка щетинился в открытую, то и дело сплевывая ненависть на асфальт.

– Ну что это за *треш*, мам?! Ты слышала, что нам говорят?! Объясняют, как слабоумным! Будто я никогда в автобусах не ездил... *Не бегать, не драться, сидеть строго на закрепленных местах*. Во, даже памятку выдали! – он возмущенно потряс листком канареечного цвета. – Они что, реально бегают по автобусу, как обезьянки из мультика?!

Мариванна улыбнулась и положила в сумочку желтый козырь.

Теперь она знала, как разговаривать с этими клоунами.

* * *

Утром, почувствовав знакомую собранность и лед в голове, тигрица отправилась на охоту. Перекрестила старшего – тот умчался в школу на новом велике, взяла за руку младшего и пошла к автобусной остановке. Там их встретили небрежно одетые малыши с мамами и бабушками в пижамных штанишках пастельных цветов. Вместо букетов родители держали кофейные термосы и ленты поводков, на которых крутились бигли, ретриверы и бордер-колли. Дети отбывали в школу налегке: без рюкзаков, сменки и тревог.

Причепуренной Мариванне трудно было смешаться с толпой. Сын выделялся торжественным кардиганом, белой рубашкой и синим атласным галстучком; разномастный осенний букет – в прохладной от пота ладошке. Снова как белая ворона, с грустью подумала Мариванна, и тотчас увидела похожий на огромную пчелу желто-полосатый автобус.

Передняя дверь распахнулась. На нее смотрела обильная телом водительша в шортах; пустое лицо, интенсивно работающая челюсть – хрестоматийная американская жвачка.

Русская повеселела: будем давить на материнские чувства с рефреном *мы же женщины*. Когда-то очень давно, четыре месяца назад, Мариванна читала лекции по теории межкультурной коммуникации. Находите точки соприкосновения, провозглашала она с трибуны. Демонстрируйте принадлежность к одной и той же группе, используйте общий социальный язык.

Она использовала и демонстрировала, давила и рассыпалась. Инструкция в ее руках трепыхалась бабочкой-лимонницей. Флегматично жующая баба повторяла одно и то же деревянным голосом. Проезд родителей в школьных автобусах воспрещен по правилам, изложенным в бесполезном, теперь, желтом листке.

Сдаваться Мариванна не собиралась. Жизнь подкидывала ей тесты с регулярностью сборов израильских резервистов. Она отошла лишь на секунду – проверить сына в окошке, – и злыдня в шортах тут же захлопнула двери.

Автобус тронулся. Ребенок скривился и заплакал. По его губам Мариванна прочла «мама». Времени на раздумья – ноль.

* * *

...Последние сорок минут бега в стиле «раненая утка ищет место умереть» ее доконали. Свекольное лицо горело, правое подреберье ныло муторной болью, ноги превратились в чугунную массу. В роду Мариванны, как назло, не встречалось ни одного кенийского бегуна.

Мозг по-своему старался, готовясь к кульминации: место жалкого мамонтенка занял вихрастый беспризорник. Он с надеждой вглядывался в лицо артиста Бондарчука и пронзительно кричал:

– Папка, родненький! Я знал, знал, что ты меня найдешь!¹³

Мариванна *увидела* своего несчастного и уже чумазого сына и не выдержала.

– Господи! – заорала она, не вытирая слез. – Ну, помоги же ты мне! Я ведь сдохну!

И тут послышался автомобильный клаксон. Один, второй, третий...

Она не откликнулась на зов Судьбы, продолжая утиный бег. Кто ей мог здесь сигналить?!

Настойчивый гудок не отступал. Наконец, ее окликнули:

– Эй! Эй, я здесь! Видите меня?! Я ваша лэндледи, вы у меня дом снимаете! Что стряслось? Вас подвезти?

Она разобрала только последнюю фразу и кинулась на приветливый голос. Торопливо удостоверилась в том, что кричали именно ей, юркнула в пасмурную «тойоту» и выкрикнула название школы.

Всю дорогу Мариванна горячо благодарила Бога (про себя) и Его посланницу (вслух). Так и не призналась в том, что не помнит ни лица, ни имени благодетельницы.

Она была у цели через пять минут. Влетела в класс неистовым торнадо.

Сын удивился:

– Мам, ты зачем пришла? У меня еще три урока...

* * *

Обратно брела вперевалочку, опустошенная и счастливая. Удачно все-таки она *сбежала* к сыну. Лично проверила: не заклевали, не затюкали и даже за что-то похвалили. В школе ей

¹³ Имеется в виду сцена из кинофильма С. Бондарчука «Судьба человека».

вручили длинный список канцтоваров. Значит, нужно дотащиться до «Ашана», заодно и продукты купить. Счастье, что теперь не надо торопиться. Час-полтора ее ходом – ерунда!

Хотелось лечь на ковровый газон у придорожного ювелирного бутика и глядеть в непривычную синеву. Высокое небо Миннесоты смахивало на работу профессионального фотографа: на нем оттачивались и свет, и контраст, и насыщенность, и знание программы «Фотошоп».

«Ашаном» она по привычке называла гипермаркет «Таргет», удачно расположенный вдоль шоссе 101. И до дома – рукой подать. В вавилонской торговой точке продавались и слоны, и иголки: немудрено, что Мариванна растерялась со списком в руках, когда вползла в магазин.

Та-а-к... Что же это означает? Ну, и как выглядит *1-inch binder with rings?* Где искать *plastic dividers with tabs and labels?*!

Она перемещалась вдоль тридцатиметровых стеллажей, глядя с тоской на шеренги товаров. Ей вспомнился красно-белый пенал из детства, со счетами и пластмассовыми часами внутри – категория «лакшери» в мире советских детей. Статусная вещь, оставшаяся мечтой наряду с белыми гольфами с «помпошками», школьным фартуком с «кружавчиками» и финским сервелатом. Сказочной колбасой ее угостила Зойка-одноклассница на перемене. Дала откусить бутерброд, и маленькая Маша на всю жизнь запомнила солоновато-пряный вкус заграницы...

Именно таким – изобильным и ярким «Таргетом» – ей представлялся коммунизм, о котором рассказывала историчка Ольга Сергеевна. Учительница спрашивала, чем займутся ребята, когда настанет благоденствие.

– Я куплю во-о-т такой ящик колбасы и буду всех угощать! – воскликнула Маша.

– Ну что ты, глупенькая, – засмеялась рыжая Ольга Сергеевна, красиво сверкая золотым зубом. – Зачем покупать? При коммунизме не будет никаких денег! Любой человек сможет взять все, что захочет! От каждого по способностям, каждому по потребностям.

А пока коммунизм не настал, о предметах шика в семье Маши не заикались. Все, что выходило за пределы бытового минимума, называлось дурью и баловством. О богатстве мечтать неприлично. Ты и так богачка, дочь! Мы в твои годы... Уроки на табуретке, одна комната на восьмерых и поросенок впридачу, черные сатиновые трусы – круглый год, крошки со стола – рукой в рот. Не пеналами гордится настоящая советская девочка!

Маша вздыхала:

– Все равно хочется...

Она поклялась: своим детям будет покупать все, что ни попросят. Даже если для этого придется ходить в трусах круглый год и собирать со стола хлебные крошки.

...Теперь, растерявшись от изобилия, она была готова им купить хоть черта в ступе, но как?! Тщетно выискивала диковины из школьного списка: *Sharpies*¹⁴, *Mod Podge* и *6Pcs novelty tool pens set*, наматывая круги в американском коммунизме. В пустынном магазине слонялись бабульки и праздные мужчины среднего возраста. Вдруг ей попала на глаза ухоженная женщина с девчушкой школьного возраста. Мариванна подбежала к ним и заискивающе проямлила:

– Excuse me, I'm looking for... mmm... Here's my list. I wonder if you can...¹⁵

Незнакомка сцапала список и раздраженно бросила:

– Русская, что ли?

На чистом русском языке.

¹⁴ Перманентный маркер с тонким наконечником.

¹⁵ Извините, я ищу... ммм... Вот мой список. Могли бы вы...

От радости Мариванна глотала слова:

– Родная моя! Откуда здесь?! Давно?! Может, кофе? Посидим?

Встреча Робинзона и Пятницы так захлестнула – удержаться бы от медвежьих объятий, не зарыдать бы. Ее качала волна обретения Первого Русского Друга.

Пятница отступила на два шага, процедив с неприязнью:

– Конкретно скажите, что вы ищете?

Мариванна скукожилась, как описавшийся щенок, тыкнула пальцем в списочную галиматью и застыла.

Соотечественница быстро нашла и папки, и клей, и прочую дребедень. Сунула все в Мариваннину тележку, пробормотав напоследок:

– Из Энска, 9 лет, нам нравится.

Мариванна стояла неестественно прямо, как могильная плита. Кажется, она так и не сказала «спасибо».

* * *

...Навьюченная рюкзаками и пакетами, мама мамонтенка плелась домой. Ее гиббоновые руки тянулись до земли, солнце поджаривало спину, укутанную новыми рюкзаками. Не отказала себе в удовольствии – потратилась на сыновей от души. На раскаленной спине подпрыгивали «канцелярка», сливки, масло, печенье... Она не ощущала ни жары, ни тяжести, ни боли в измученных ногах, протоптавших рекордные одиннадцать километров. Надо же, здесь пятого сентября – настоящее июльское пекло. Надо же, тоже русская и тоже мать, моя ровесница и...

Олег, Олежек, куда ты меня привез? Здесь нет *людей*...

Мариванна попробовала переключиться на житейские думы (праздничный обед, торт, шарики), но разбуженные змеи жалили ее мозг. Заползали давно утраченные памятью строчки:

Я знаю сам:
Здесь небо тоже есть.
Но умер там
И не воскресну здесь¹⁶.

И как там дальше?

Она остановилась и выпучила глаза: там, где начинался спуск к подземному переходу, теперь стоял задрипанный голубой домик с чахлым газоном. Еще вчера они пользовались туннелем, срезая путь и укрываясь от сумасшедшего Седьмого хайвея...

Ахнув, она нескладно пробежала с десятков метров туда-сюда. Вот дерево, вот гном-уродец на лужайке, вот магазин дешевых тряпок и гулкое шоссе. Все на месте, а переход исчез! Ну капец. Домой не попаду, Олег меня не найдет, дети перепугаются до смерти... Может, промахнулась я, прошла туннель?

Несчастливая побрела в обратную сторону. Навстречу ей выполз огромный, похожий на крокодила, мутно-зеленый «кадиллак». Мариванна кинулась ему наперерез.

Потом она часто будет воспроизводить эту сцену. Прикидывать, что почувствовала милая женщина за рулем, когда ей под колеса кинулась лохматая баба с красным звериным лицом и двумя рюкзачными горбами...

Мариванна настигла машину в два прыжка и требовательно спросила:

– Где здесь туннель?! Еще вчера был! Подземный переход, быстро! Мне домой! На ту сторону!

¹⁶ Стихотворение Наума Коржавина.

Для пущей убедительности она подключила жестикуляцию, но водитель «кадиллака» молчала, вцепившись в руль и часто моргая. Затем она отмерла и широко улыбнулась.

Так уж повелось в этой стране – гасить свои страхи натужной улыбкой. И ксанаксом.

– Привет, как поживаете? Я слышу акцент и никак не могу догадаться, откуда вы?

Чужой язык, чужая доброта...

– промелькнуло в голове Мариванны.

Она мешала русские и английские слова, ее потная спина заледенела, рюкзаки хлопали не больно, но обидно, как бы добывая неудачницу. Тем удивительнее было при этом вспоминать скорбные коржавинские рифмы:

Я каждый день
Встаю в чужой стране.

– Tell me!¹⁷ – крикнула Мариванна иступленно. И добавила по-русски:

– Заррацца!

– Туннеля здесь никогда не было... – американка смотрела с жалостью.

– Нет, был! – Мариванна топнула ногой и наконец-то сбросила пудовые торбы.

Шлепнулся оземь кусок сырого мяса, покатались яблоки с помидорами.

– О боже, – пробормотала водитель «кадиллака», осторожно трогаясь с места. Не задеть бы припадочную с ее продуктовым натюрмортом.

Отъехав чуть вперед, американка прокричала:

– Извините, я не местная! Еду в гости к друзьям.

Миннесота Найс¹⁸, мать ее! Холодная учтивость к безумцам.

И тут Мариванна поняла, что натворила...

Словно очнувшись после горячки, она явственно увидела свою будущую пустотелую жизнь. Бездомная сирота в лесу, пустынный под холодным солнцем. Она села на прожаренную дорожку и вцепилась в опухшие колени. Трагическое озарение сдавило ей горло, страшная безнадега прижала к земле. Корпулентная женщина в дорогих итальянских брюках тряслась в конвульсиях среди яблок с помидорами:

– Горе-то какое-е-е, – выла Мариванна. – Ма-а-мочка-а! На кой ляд... Приперлась... – Она раскачивалась взад-вперед. – Жила же себе... как короле-е-ва... на метро-о-о... на маршру-у-тке!.. Гос-паа-диии!

Затем она вспомнила о старшем сыне и схватила телефон, косясь на часы. Уроки закончились десять минут назад.

Сын задал пару уточняющих вопросов, и уже через семь минут из-за елей и кленов показалась его вихрастая голова. Гнал на велике что есть мочи, милый мой...

Если сломается мать, сломается весь мир, подумала Мариванна. И вновь приказала себе выжить.

А туннель, как ни странно, никто не сносил. Стоял себе по-прежнему, в пятистах метрах от ее разбросанных сумок.

¹⁷ Скажи мне!

¹⁸ Приветливая Миннесота – культурный стереотип, применяемый к поведению жителей штата. Подразумевается, что миннесотцы – необычайно вежливые, мягкие, дружелюбные и сдержанные люди. К слову *nice* в данном контексте также подходят и другие значения: милый, славный, приятный, любезный и т. д.

<Блестяще! Смеюсь и плачу!

<Я поняла! Поняла! Вот что нужно включать в школьную программу для старшеклассников. Вот это!

<Все мы – маришаннн...>

<Аффтар, пеши исчо.#>

Глава 5. Кульбит

– ... Я согласна! – выпалил родной голос, и Олег Барский мгновенно проснулся. Он засмеялся, нажал отбой и вскочил с кровати. Такую новость нельзя переваривать лежа.

Интересно, о чем это она, подумал, зевая. Мы ведь обо всем договорились. Дети спокойно доучиваются и летом... Все вместе... дай-то Бог!

Он подошел к окну и посмотрел на миннесотское небо: черная бархатная бумага, на которую усердный второклашка наклеил слишком много блестящих звездочек. Одна из них неожиданно подмигнула Олегу. Да нет, просто показалось. Самолет, наверное...

Я согласна. Хотелось бы знать, что за этим стоит.

В то, что Юрьич дал добро, он ни капельки не верил.

Что бы это ни значило, ты не пожалеешь, девонька.

Олег еще раз взглянул на россыпь звезд, пытаясь разглядеть мигающие самолетные огни. Не веривший ни в какие счастливые знамения, он вдруг страстно захотел, чтобы ему подали сигнал *оттуда*.

В конце концов, он честно впахивал и заслужил тот самый шанс, что выпадает каждому хотя бы раз в жизни.

* * *

Звонок жены поднял его задолго до будильника. Что ж, не будем терять время, все равно не уснуть.

Он послунывил палец и, как заправская хозяйка, проверил утюг. Стрелка на брюках – безукоризненная прямая, какой должна была стать жизнь Олега Николаевича Барского, будущего, по задаткам, гения ракетостроения. Четкая, неискривленная судьба, построенная по добротным схемам СССР: в двадцать шесть – кандидатская, в сорок пять – докторская, черная «Волга», пятьсот рублей – оклад, плюс тринадцатая, плюс прогрессивка, плюс сороковник за рацпредложения (а уж они бы у него точно были). И если бы не уроды, похерившие советский космос, не начинал бы он сегодня с нуля в американском захолюстье.

Для домашней лапши потребуется хорошая курица и немного терпения. Чего-чего, а этой добродетели у Барского хватало с лихвой, на двоих с Галей. Терпения, как и точности, жене не доставало: так и не добился четкого ответа, как переводится фраза «муки – сколько возьмет» в лаконичные граммы. Если бы на «Энергии»¹⁹ оперировали приблизительными данными – хана советским ракетам.

Яйцо, соль, мука. Главное, никакой воды. В речугах начальников по космосу вода была главным и единственным компонентом. Они убеждали из телевизора: наши ракеты – самые баллистические из всех баллистических, самые гипер-, сверх- и супер-пупер звуковые. Олег не поленился проверить биографию недо-королевых и недо-келдышей. Так и есть: они не проходили в вузах технологию обработки металлов давлением. Эти шапкозакидатели понятия не имели, сколько пролито пота в создание РДТТ, ПВРД, ЖРД²⁰...

Зато краснобаи плели восхитительные кружева, из которых следовало, что в скором будущем, не позднее пятницы, мы надерем задницы недоумкам из НАСА.

Только щеки надувать они – мастера!

¹⁹ Ракетно-космическая корпорация «Энергия» имени С. П. Королева.

²⁰ Типы ракетных двигателей.

Олег тщательно сгреб мучную пыль со стола в мусорное ведро. Уникальное научное наследие Страны вот так же вынесли на помойку. До спазмов сердца было жалко Петровича и Васильича, последних из королевских апологетов. Он работал с ними бок о бок на «Энергии», жадно впитывая опыт, бесценный и бесполезный. Всего ничего продержался там, где мечтал работать с восьмого класса. Родина щедро поила его напитком «Женьшеневый», верное средство для вывода токсинов, которые вдыхались с парами ракетного топлива. Лаборатории закрыты, техническая база разворована-уничтожена, аспирантура отложена на год, а потом – навсегда. И как ни сладостны были споры с Петровичем и Васильичем, не мог он кормить семью идеями да волшебным напитком. Пряча глаза, кинулся искать места пожирнее. Святые подвижники жали ему руку, наказывая жить радостно. Так провожают с подлодки гражданских, отдавая им свои дыхательные аппараты. Лучились стариковские глаза, не верящие в стойкость юных. Они остались на посту, как мальчишка из рассказа Пантелеева, который дал честное слово...

И поплывут в его снах нескончаемые расчеты, формулы, озарения. Все, что не отдал стране героев, стране мечтателей, стране ученых.

Первый бульон безжалостно выливаем. Кастриюлю очистить от белесого налета, курицу – промыть, залить холодной водой и вновь – на плиту. Умягчение злых сердец – вот что такое Галюнин бульон.

Тесто раскатать до прозрачности, муку стряхнуть с обеих сторон, диктовала Галя по телефону с наработанной учительской чеканкой. Работа непременно тащится в дом; таким же металлическим голосом она отметала его идеи об эмиграции. *С матерью на руках... кому мы там на фиг нужны... если поедешь один – развал семьи неминуем.* Без семейных канатов и Швеция, и Канада, и Новая Зеландия выглядели тухло, а про Америку он и не думал. Скорее наши космические филологи экспедицию на Марс забабахают.

Где родился, там и пригодился, говоришь? Не-е-т... В том-то и дело, что не пригодился. Выкинули и ластиком стерли. Значит, с Родиной квиты. Краями разошлись.

А потом и Саша... Задача со звездочкой.

Тесто сложить восемь раз в полоску. Разрезать посередине наискосок и дальше, веселой елочкой, работаем ножом, справа-слева. Вжик-вжик. Авось, лапша выйдет не хуже, чем у Галки.

И так же весело, вжик-вжик, он закинул удочки в американский филиал своей компании. И заварил такую лапшу – мама дорогая! До сих пор за руку себя щиплет: не сон ли? Подмосковный мальчишка в легендарных декорациях, запретные плоды, которые нас учила презирать «Международная панорама»...

В пережарку (лук и морковь – отдельно) добавить пуговку сливочного масла. Без него вкус бульона *не заиграет.*

* * *

Его жизнь заиграла дунайскими волнами, засверкала майским салютом, когда в нее ворвалась Галюня. Стремительная и громкая, она вытащила Олега из меланхолических дум и обожаемого одиночества. Недоверчивый к подаркам судьбы, он потянулся к пленительной феерии, как подсолнух к солнышку. Удивительно, что совсем не раздражал хаотичный калейдоскоп, которым Галка заполонила его жизнь по расписанию. Зато теперь никогда не скучно.

Когда их любовь только набирала соки, готовясь к цветению, он поминутно касался сдобного счастья и улыбался, как последний идиот. Его нежнейшая перина, булочка-калорийка за десять копеек манила гладкостью кожи и ванильным ароматом. В те годы Галя часто пекла

и раскормила Олежку до *сытых размеров*. Не узнавали бывшие одноклассники и хохотали армейские товарищи, охлопывая раздобревшего Тощего – его взводное прозвище.

Радость обладания лишала рассудка и ломала самолюбие: он согласился на диковатый обряд сватовства. Прошу руки вашей дочери. Михаил Юрьевич важно кивал, обещая подумать. Подумать! Будто если не разрешит Галке замуж, она сможет от него отказаться! Будто от суровых бровей отца зависит судьба его пышки, поразился тогда Олег.

Наивный.

Пять месяцев до свадьбы они шифровались от Юрьича, как озабоченные подростки. Благо, что Галя жила в ту пору с матерью в Мытищах. Олег добросовестно отчитывался перед будущим тестем: дочку проводил, еду к себе. Затем клал телефонную трубку и возвращался под одеяло, забирая в плен свою калорийку, радость нечаянную. Ты – чудо, знаешь?

Галка отмахивалась и перечисляла свои недостатки; нелепость в развернувшейся сцене. Да и в менее пикантные моменты она сводила комплименты до сарказма. Ни жеманства, ни кокетства, ни девчачьих капризов – по всему понятно, что Юрьич мечтал о сыне и растил из Галки настоящего мужика.

Невесту нельзя было опорочить даже намеком на радости земные. Для нее пампушка заготовил красненькую «Брачную энциклопедию». Отдаст после росписи в ЗАГСе, пусть осваивает женские науки.

Помнится, они прекрасно умещались на узенькой девичьей кровати с отломанной ножкой (ночью спешно подложили Большую Советскую Энциклопедию, англо-русский словарь Мюллера и пару томов Ленина). Утомленные, засыпали с рассветом.

За стеной старательно храпела Алевтина Михайловна, которая за утренним чаем добродушно комментировала кроватный грохот и разнузданный шум. Брякала, что едва не отправилась дочку спасать. И хорошо, что в костылях нет ее былой прыти, вот смеху-то было бы. Прочапала полкомнаты и спохватилась: может, у Гальки и не приступ вовсе, может, ей очень даже хорошо.

Поженившись, они все время хохотали. Даже когда родился крикливый Гришка, грянул дефолт и сухари из батона стали десертом. В мельтешении капельниц, уколов и больниц, куда бесперебойно попадали то теща, то сюрпризный малыш, шутили назло докучливой черной полосе.

И только когда увязли в омуте аутизма и пропели «Вечную память» Алевтине Михайловне, сгнули скопом и хохот, и песни жены, и ее неистребимый свет...

Мы это поправим, кисунь, вот увидишь!

* * *

– Поедешь со мной в Америку?

– Да хоть в Африку, – откликнулась Галя шуткой из фильма.

Оба расхохотались.

Турецкое солнце устраивалось на ночлег в разомлевшем море. Хотелось валяться на лежаках, цедить коктейли и наблюдать за грандиозной сменой декораций. Спорить не будем. Просто дай слово, что эта попытка будет последней. Тебе уже сорок пять, пора утомониться и повесить ружье на стенку. То была славная охота.

Олег поклялся детьми: Америка – финальный выстрел.

И оказался снайпером.

...Аренда таунхауса оттяпывала половину зарплаты. За дубовый стол, три кровати с матрасами и простецкий диван просили наглую цену, но Олег не мелочился. Выбранный Гал-

кой район задирает нос, как Рублевка: школы имели высочайшие рейтинги. Торг неуместен – у детей будет все самое лучшее. Он отправился на ознакомительный школьный тур, конспектируя подробности в блокноте. Хорошо, что записал: Галка была в смятении, как и он; слышал ее ошеломленный голос. Будто не униженный папаша с особенным ребенком молил о зачислении, а опытные торговцы-директора хватили за глотку: «Выбери нас!». Гришкина престижная хай-скул подавляла масштабами (четыре спортзала! театр на тыщу мест!) и техническим оснащением. «Началка» для Саши оставила в сердце глубокую борозду изумления.

И потом, очнувшись от первого шока эмиграции, они твердили слова директора Брина, как заклинание, как заговор на счастье.

Главное, чтобы ваш сын...

Ласковый директорский голос действовал не хуже цыганского гипноза: испарилась знаменитая критичность Олега. Он бродил по классам, кивая Брину и шалея от счастья. Директор нервно поправлял галстук, не снимая улыбки. От его вкрадчивых интонаций хотелось чудить с бесшабашностью пьяного покупателя. Жестами ярмарочного зазывалы директор призывал *пощупать первоклассный товар* – образовательные услуги. Обратите внимание на цифры, господин Барский: наши ученики – лучшие по чтению и математике на всем юго-западе Миннесоты! Посмотрите направо: школа примыкает к городскому кладбищу. Как, вы не видите явственной выгоды? У нас же *тихие соседи*, на прогулке можно не волноваться.

Извольте проверить комнаты психологической разгрузки. Наши ученики могут в любой момент потребовать перерыва, если устанут. Подержите одеяла с утяжелителями, потрогайте сенсорные игрушки, понюхайте гипоаллергенные фиджеты²¹, опробуйте веревочные батуты, кресла-качалки... смелее, смелее!

Кстати, мы находимся в классе мистера Таллаксона, здесь будет учиться ваш замечательный Алекс. Что вы сказали? Аутичный ребенок? Во-первых, договоримся о терминологии. Таких учеников мы называем *ASD kids*²² или дети в спектре. Во-вторых, по закону «No Child Left Behind» ни одному ребенку не может быть отказано в обучении! Мы радостно приветствуем и учим всех, кто приходит в нашу школу!

И вот она, соломинка, маяк наш, Псалтирь Неусыпаемая:

– Главное, чтобы ваш сын был счастлив!

* * *

– Поедешь со мной в Америку?

Она согласилась со смехом, и Великий Стрелочник перевел их поезд на другой путь...

И снова, как в Турции, раскинулась синющая гладь, шуршали небесные пальмы и жгло высокое солнце. Только теперь в обрушенном сознании не якорит обратный билет в Москву и не стихает утробный вой: «Это все-е-е! Все-е-е! Все-е-е!». Каждое утро приходится вспоминать, где ты...

Инопланетная декорация. Мираж. Чужой мир, который даже не прикидывается родиной.

Воссоединившись с Олегом, они первым делом удрали в Калифорнию. Смалодушничили из-за стремнины проблем. Вот уже неделю Галя пыталась продышаться в безмятежной деревушке Ла-Хойя, которую калифорнийцы почему-то считают городом. В этом охристо-изумруд-

²¹ Любой маленький предмет или игрушка для тактильной сенсорной стимуляции. Помогает сосредоточиться на выполнении задания и отвлекает от навязчивых тиков.

²² Дети с РАС (расстройство аутистического спектра).

ном районе Сан-Диего с одуряющими запахами океана и тропических цветов ее колотит озноб. Душа съеживается от звериного страха. Тебе холодно, кисунь? Не может быть. В Ла-Хойе круглый год – безветренная теплынь; погода для богатых. Присядем на лавочку. Какие виды! Эту бухточку, La Jolla Cove, обожают малыши морских котиков. Гляди, как во-о-н тот чихает, умора! Лучшие места в зрительном ряду, Галюнь! Репертуарчик не меняется веками, а спектаклей одинаковых не бывает, потому что представление называется «Тихий океан». Совсем он не бесшумный, правда. Разудалый и шальной. Зайдешь по колено – опрокинет, как щепку.

Вместо ответа Галя замирала, как цапля на болоте. Занавесилась волосами, не трещала, не балагурила. Странно глядела на мужа, не умеющего читать по глазам. Лучше бы уж снова донимала его расспросами о ценах на мясо и стонала: «Мы не потя-я-нем!». Лучше бы рассказала, что у них там произошло с Михал-Юрьичем. Почему она позвонила так внезапно?! Все две недели жена сидела скукоженная и нездешняя, изредка оживляясь, когда дрались Сашка с Гришкой.

Жемчужину Сан-Диего²³ населяли одинаковые синтетические люди с красивыми носами и задницами. Они ели мидии утреннего улова в ресторане «Эль Пескадор», носили под мышкой разукрашенные доски для серфинга и пританцовывали внутренним ритмам регги. Само пребывание в раю требовало перехода на расслабленный шаг. Город пробуждался на рассвете вместе с бегунами в ярких шортах и деликатным шумом рыбацких судов. К девяти компактный даунтаун заполняли мужчины в синих костюмах и жизнерадостные бомжи в майках отличного качества. После полудня наступала сиеста. Дремали глазастые игуаны и зевали похожие на кинозвезд официанты. К семи часам разгоралась жизнь Квартала Газовых фонарей. Веселые девушки в коротких платьях нетвердо шагали от бара к бару. Дамы в вечерних нарядах под руку с моложавыми спутниками заходили в ресторан «Деревенская крыша», чтобы поужинать двухсотдолларовым стейком. Ночью молодежь собиралась на пляже. Жгли костры и пили укуптанное в бумажные пакеты вино.

Олегу хотелось подпевать сладостной Ла-Хойе. Оставить хотя бы на время нудную достоинщину и даже, прости господи, примкнуть к отряду зожников. А что? Заняться скандинавской ходьбой в Торри-Пайнс²⁴, например. Уклад аборигенов так заразителен, красота их тел заставляет втянуть живот и мужественно отказаться от десерта. Серфингисты, ученые-океанографы, студенты, продавцы марихуаны – местные выглядят, как атлетические жизнерадостные боги. Спроси их: «Как жизнь?» в любое время суток и услышишь растянутое: «Ска-а-зочно-о-о»...

I found a dream that I could speak to
A dream that I – I—I – I can call my own...²⁵

Галя иногда подпевала мелодиям города.

Знание старых песен ей потом здорово пригодилось. В доме престарелых.

* * *

Миннесота их встретила левитановской осенью и картечью кортизоловых волнений. Ошпаренные потоком трудностей иного толка, они разлепились друг от друга, предпочитая выживать поодиночке. Даже Саша, кенгуренок в маминой сумке, отрекся от бывшего симбиоза. Галя не обратила внимание на отпадение пуповины. В то время она плутала по нехоженным

²³ Ла-Хойя в переводе с испанского – «жемчужина».

²⁴ Государственный природный заповедник.

²⁵ Песня М. Гордона и Г. Уоррена «At Last» («Наконец-то»). Самое известное ее исполнение принадлежит Э. Джеймс.

дебрям в потрясении. Дайте отдышаться! Дайте переварить унижение собственной тупостью! Дайте выйти из комы! Столько лет преподавать этот самый язык, чтобы мучительно краснеть от вопроса кассирши?! Цитировать километры текстов из «бонка»²⁶ и теперь изображать глухонемую? Галя выдавливала из себя «it's OK» и фальшиво улыбалась. Впрочем, кто знает «it's OK», тот в Штатах не пропадет.

Языковой мир ревел гонками Формулы-1. Актерская страсть к подражанию кидала Гале подянки. Американцы тараторили, глотая целые слова, она тарахтела в ответ и садилась в лужу. Галя мучительно пережевывала звуки, как человек после тяжелого инсульта. С тем же успехом можно было проситься в Большой – танцевать «Лебединое». Она ляпала *a little bitch*²⁷ вместо *a little bit* и взамен подхваченного выражения *property virgin* изо рта вылетало *pretty virgin*.

Больше всего она ненавидела телефон.

Если нужно было записать детей к врачу или самой, наконец, попасть к парикмахеру, Галя готовила речь на бумажке, чтобы потом кидать в стену скомканный шарик шпаргалки. Живой диалог отличался от книжных, как американский ванилин – от русского. Однажды она разговаривала с директором школы целых пять минут, пока не сообразила, что беседует с роботом. Школа рассылала голосовые сообщения.

В конце концов Галя перестала отвечать на звонки.

Помимо языка и слуха, лишилась и зрения. Однажды, проходя мимо зеркала, она натурально удивилась, разглядев незнакомую бабу в пижамных штанах с неряшливым сальным пучком. Хотелось плюнуть в отражение, но она почувствовала взгляд Олега. Расправила плечи и пробормотала текст умученного экскурсовода:

– Обратите особое внимание на лицо: сетка тончайших трещин выполнена в технике двухшагового кракелюра. Художник нам как бы намекает на былую привлекательность портретируемого. Пройдемте в следующий зал...

В тот день, когда хаотичное сознание совместилось с увиденным изображением, Галя окончательно размазала себя по асфальту, придумав тетке из зеркала новую кличку. Похоронив в сейфе с документами дипломы, сертификаты и грамоты, она зачехлила итальянский костюм, жакеты и брюки и решила, что попросту умерла. А та, в зеркале, грязный жиртрест, будет зваться Мариванной. Именно так – в одно слово. Отныне можно спокойно заниматься детьми, ты же для этого взошла на костер?

Сумбурно, но доходчиво разъяснила Грише новые правила. «Чтоб не вздумал жить там сдуру, как у нас»²⁸.

Итак, политику и религию не обсуждаем; говорим о погоде и не дай тебе Бог затеять разговор о деньгах. Понятие *прайвеси* – священо: никаких личных вопросов, непрошенных советов и сокращения дистанции. Стой на расстоянии вытянутой руки, а если спросят о *второй поправке* – улыбайся и мычи. Носить оружие или нет – это их, сугубо американские заморочки.

– Понимаешь, Гриш, они во всем индивидуалисты! – Галя в спешке пересказывала свою диссертацию. – Здесь другу в два часа ночи не позвонишь, а душу изливают только психологам.

Гриша мрачно заметил, что в этой дурацкой стране он не станет откровенничать даже с бродячим псом.

Саше было сказано просто: у американцев другой язык. По-русски никто не понимает.

Он поразился:

– Я видел их языки. Они такие же, как наши – красные.

²⁶ Знаменитый учебник английского языка, написанный Н. А. Бонк, Г. А. Котий, Н. А. Лукьяновой. В просторечии его часто называют «бонком», по фамилии автора.

²⁷ Маленькая сучка (англ.).

²⁸ Цитата из песни В.С.Высоцкого «Инструкция перед поездкой за рубеж».

Само собой, она первой угодила мордой в грязь.

Раз – и шокировала соседку. Увидела, как ее шестилетний ребенок поминутно бегаёт к пруду – справлять нужду, и поспешила вправить мозги горе-мамаше. Плевать на экологию, мальчишку спасать надо. Чужих детей не бывает. Забарабанила в дверь американки, которая мирно готовила сэндвич с тунцом под телевизионное шоу для домохозяек. Открыла дверь и обомлела: русская объяснялась пантомимой, делая непристойные движения в районе живота и бессвязно крича. Фарс под названием «Дура, у твоего сына цистит!» прошёл без оаций. Вот тебе, пожалуйста, тихий благополучный район, респектабельные соседи... и русские гангстеры. Иди-ка домой, сынок, мало ли что эта сумасшедшая выкинет.

Два – и напугала Марка. Приятного и дружелюбного мужчину, который по-соседски выручал Барских садовым инвентарем, Галя выбрала в качестве финансового гуру. Пусть разъяснит все про 401 (k)²⁹. В Америке ее охватил страх обнищания. Это на своей земле можно побегать по урокам, набрать переводов и перехватить у друзей тысяч пять до зарплаты. Письма из пенсионного фонда она раньше выкидывала, а здесь, ощутив вязкую трясиину, представляла, как пойдет с протянутой рукой. Ну уж нет, надо вникнуть в систему и помочь Олежке хотя бы в этом! Галя штудировала книги о фондовых рынках, слушала по телеку известных финансистов и бесилась от своего кретинизма. Мир богачей заперся на сто восемь замков. Ничего, люди пропасть не дадут, решила Галя. Подкараулила Марка, сгребавшего в кучу пламенное золото листьев, и завела разговор о погоде. Когда тема была исчерпана, непринужденно бухнула:

– Кстати, где храните деньги?

Сосед попятился, вспомнив про срочные дела. Галя поспешно исправилась:

– О нет, не бойтесь. Я же про пенсионную программу. Куда посоветуете вкладывать деньги? Где их лучше держать?

Марк промямлил спасительную американскую мантру: *твоя жизнь – твой выбор.*

Галя не отступала. Приблизившись, ласково взяла соседа за плечо:

– Ну-ну, не скрывай... поделись... Я совсем одна, понимаешь?

Марк по-партизански мотал головой: не знаю-не участвовал-не местный. Он так и не сдал ей биржи и трастовые фонды, капиталист проклятый.

Господи, она еще и в биржи полезла!

И только через год ее накроет запоздалый стыд: бедняга удирал не столько от запретной темы, сколько от ужаса ее прикосновений. Чего доброго, пришьют сексуальное домогательство! Шестидесятилетний Марк подолгу выгуливал своих седеющих подруг, прежде чем решался на поцелуй.

Апогеем провала оказалось приглашение на вечеринку, где Галя простодушно напилась и впервые почувствовала себя легко и непринужденно. Обрадовавшись исчезновению барьера, она вернулась в себя прежнюю и живо защебетала. Счастье-то какое: американский дом, в котором полным-полно сербов! У нас же все общее: вера, язык, еда. Это по-сербски написано? Да это же по-русски! Да, мы тоже готовим голубцы, передай мне тарелку, дорогая. Да, привыкаем, хотя мне очень тяжело. Вы тут двадцать лет? Ну вот, а я – второй месяц только... Нет, мама умерла, а вот папа остался в России. Нет, он никогда не приедет сюда, потому что *ненавидит Америку и американцев.*

Она прикусила язык, осознав, что за ее спиной стояли американцы с тарелками и напитками. Выдавила, краснея:

– Надеюсь, я никого не обидела?

²⁹ Название пенсионного фонда.

Сербские женщины рассмеялись:

– О, не волнуйся, дорогая. Мы тоже их ненавидим. После Белграда... в девяносто девятом...

Галя перехватила ошеломленный взгляд хозяйки вечеринки.

Прочь, прочь из радушного дома. Надежно запрись и не вздумай упоминать о своей профессии! Отныне и навсегда – ты просто Мариванна. Мама-клуша с особенным ребенком.

* * *

Гриша уворачивался от разговоров по душам, односложно отвечал на вопросы и подолгу сидел в своей комнате, уставившись в стену. Лишь однажды, когда получил F³⁰ сразу по пяти предметам, разразился горьким монологом. Посмотри на эти лица, мама! Мы же не сможем здесь жить! Я понимаю, у Сашки – шанс стать счастливым, но зачем вы мне-то врете?! Америка – для моего блага? Серьезно?! Жизнь среди людей с кругозором муравья? Какую тут можно девочку найти, не смеши! Жирные прыщавые лохушки; их мечта – потискаться на заднем сиденье «шеви» и отведать стейк в «Кэпитэл Грилл». Ты для этого мне подсовывала Карамзина и Шмелева? Для этого везла сюда Шолохова, Толстого, Достоевского?!

Мое место – в Москве. И школа, и друзья, и Катька, и булочки «Кремико»... Ты хлеб здешний пробовала?! А дед?! Что с ним будет?!

Нет здесь никаких друзей, никакой девушки, никакой жизни, понимаешь? Они спрашивают, есть ли в России цветные телевизоры и интернет! Они ржут над акцентом и зовут меня *товарищем* и *коммунистом*. Я уж молчу о том, что и фашистов они одолели. Вишенка на торте для победителя олимпиад по истории. И ты думаешь, я могу стать *одним из них*?!

Мои одноклассников видела? Они красят волосы в цвет *махагон*, я выучил новое слово. «Потому что мне не нравится мой унылый пепельный цвет!». Это додан один мне сказал. Они носят шорты с ботфортами! Они бреют ноги! Я запутался в количестве их полов. Я насчитал то ли пять, то ли шесть вариантов. Скоро к ним примкнут обезьяны. Такое друзьям из Москвы не расскажешь.

В общем, родители, не обижайтесь. Стукнет восемнадцать – улетаю в Москву. Дед меня ждет.

Саша назвался Алексом в первый день школы и стал американцем – на третий. Выучил клятву флагу и, не понимая ни слова, декламировал ее с одноклассниками после первого урока. Он прижимал руку к сердцу, как истинный патриот. В выходные слонялся по дому с тусклым лицом, апатично пережевывая сырники. Стряпня Галины не могла конкурировать с высокой американской кухней. Как-то она разогрела сыну банку грибного супа «Кэмпбелл», и он с восторгом сказал:

– Наконец ты научилась готовить, ма!

Куда ей до нагетсов, палочек «моцарелла» и крахмалистой мясной подливки, которой сдабривали не только картофельное пюре из пакетов, но и безвкусные, солоноватые булочки, именуемые *бисквитами*.

Сын воспринимал семейные субботы-воскресенья как вынужденную плату за веселье с понедельника по пятницу. Запуск ракеты из пластиковой бутылки, соревнования по бегу, репетиция к Рождеству (*я же скрипач, мам!*), прогулки в школьном дворе, который так *удачно* соседствует с кладбищем, уборка листьев (*я делаю вклад в комьюнити!*) и, наконец, изумительный ланч...

³⁰ Самая низкая оценка в школе, соответствует «двойке».

Учитель мистер Ти, молодой кудрявый весельчак в огромных очках, разговаривал с Алексом с помощью Гугл-переводчика и мерился бицепсами. Он придумал пятиклашкам забаву: вместо ябед на странного русского парня давайте ему помогать! Будете наставниками Алекса. Ребята с радостью включились в игру.

Сын теперь часами сидел в ванной, повторяя конгломераты услышанных фраз:

– Bathroom break. What's up, dude? Choice time. That's inappropriate. Good job! Private space³¹.

* * *

День катастрофы выдался идиллическим.

Галя сдала теорию по вождению с первого раза. Гордо смотрела на Олега, который сдавал экзамен дважды (сгубил вопрос о дистанции машины и велосипедиста). На ее губах мелькала неуверенная улыбка.

Григорий завершил свою первую кампанию и стал вице-президентом школьного правительства. Предыдущий месяц ушел на встречи с избирателями, раскрашивание плакатов и расписывание футболок (*Я выбираю Грега!*). Его пухлая конкурентка Шейла очень своевременно передразнила русский акцент. И делать ничего не пришлось. Гриша соорудил серьезное лицо и громко спросил дуру:

– Ты хочешь пошутить насчет моей национальности?

Трехтысячная столовка прекратила жевать.

Покрасневшая Шейла ретировалась:

– Что ты! Прости, если я задела твои чувства! Я не хотела... Я не расистка и не националистка!

Гриша вздохнул. На всем белом свете лишь один человек (мама) знал, что скрывается за его игрой. Гриша вздохнул от *удовольствия*. С волками жить... Как вы там говорите – *and justice for all?*³² Ну, извольте.

Дома он сказал, что теперь является эпицентром политической клоунады, и впервые расмеялся.

Саша-Алекс получил первую пятерку по математике. Мистер Ти решил, что событие нужно отметить всем классом. Дети пили колу, заедая попкорном, и подписывали открытки для Алекса. Галя зачитывала их вслух: «Ты забавный! Мне нравится, как ты повторяешь одно и то же. Мне нравится, что ты постоянно улыбаешься. Ты вежливый и вообще – nice. Отличная работа, Алекс! Молодец».

– В это стране крайне важно быть nice and friendly³³, – сказал Гриша брату. – Запомни, Санек!

Радость Олега требовала легкомысленного кутежа. В ресторане, куда они завалились семейством, он заказал лобстеров и разноцветные коктейли. Сколько стоит – не твоя забота, кисунь. Гуляем!

Официанты безостановочно носили им чесночные булочки с сыром, пока Галя не взмолилась о пощаде. Так мы до лобстера не дойдем, сказала она, потрепав мужа по затылку. Вечер проходил без неловких пауз. Галя перекидывалась остротами с Гришей и не выпускала из рук Сашину ладонь.

Она возвращается, подумал Олег с благодарностью. Слава тебе, Господи. Теперь заживем... Как и должны были с самого начала...

³¹ Перерыв на туалет. Как дела, чувак? Свободное время. Это неприемлемо. Молодец! Личное пространство.

³² «И справедливость для всех»; слова из клятвы верности флагу США.

³³ Милый и дружелюбный.

Галя еще смеялась, когда нажимала кнопку «ответить» на бесцеремонном телефоне.
Пять слов – и лобстер остался нетронутым.
Вьлeтай в Мoскву. Папe плoхo.

Глава 6. Узник

Он походил на распятого осьминога, опутанного бесконечными трубками, проводами и катетерами. Из горла Пархоменко произрастал жуткий хобот зонда, закрепленный на пластиковом ошейнике. Мерно попискивали датчики, мерцали синусоидами мониторы; кашалотное дыхание трупа с застывшим взглядом.

Всякий неподготовленный посетитель (нянечки, неопытные медсестры) каменел при виде немигающей синевы, что сочилась из глаз распластанного мужчины.

Именно этот контраст – омертвелой неподвижности отца и его ясного взора – парализовал Галю у порога. Она завалилась кулем, упершись головой в дверь и очнувшись от нашатыря устало ворчавшей медсестры. Некогда тут с чувствительными барышнями возиться. Возьми себя в руки или проваливай.

Папа глядел прямо перед собой. Понять, слышал ли он рыдания дочери и казенный голос сестры, было невозможно. Как нереально было представить и то, что Галя теперь в ответе за всемогущего отца.

Великого и Мудрого.

Она проковыляла к его космически оснащенной кровати и подвигала головой, стараясь уловить мизерную подвижность глаз: следит ли?

Не пытайтесь, сказал профессор. Просто разговаривайте с ним и... молитесь. Состояние подобных пациентов до конца не изучено, а Богу, конечно, все возможно.

Галя молилась заученно беззвучно: научилась, когда шесть лет назад обивала пороги столичных клиник. Перепроверка Сашиного диагноза тянулась восемь месяцев.

Слова стучали в мозг метрономом, губы произносили раздраженное «алло» в телефон, руки ставили на стол постовой сестры бессмысленные банки с куриным бульоном. От них в реанимации немедленно избавлялись. Папу кормили через гастростому, но Гале нужно было себя занять. Наутро она приносила новую банку. Варила ночью, снимая пену и отбивая шумовой слова.

Не мамы. Иныя. Помощи. Не мамы. Иныя. Надежды. Разве. Тебе. Пречистая Дево...

В четвертом часу утра, падая на раздавленную тахту съемной однушки (в двух шагах от больницы – дико повезло), Галя решила: если папа прикажет *прикончить эту хрень с Америкой*, она раздумывать не станет.

Если...

Когда...

* * *

Слово Михаила Пархоменко имело для Гали силу приговора без права на обжалование. Если не нравилась дочкина юбка (*разрез – вызывающий! будь девочкой!*), наряд летел в мусорку. Туда же Галя отправляла все, что вызывало неудовольствие пампушки. Билеты на фильм «Курьер» (*фильм совсем не детский!*). Поход с одноклассниками (*они же все идиоты!*). Просьбы купить часы или купальник (*думаешь, это умно?*). Попытки отстоять собственное мнение (*ты ведешь себя дерзко и непочтительно! Надеюсь, помнишь, кто это сказал?*).

На помойку Галя также сбагрила парочку поклонников, которых категорически не принял отец, но потом опомнилась. Разбрасываться ухажерами с ее унылой внешностью – непозволительно. Не заметишь, как станешь старой девой в двадцать четыре года.

На задачу, первостепенную для каждой девушки – выйти замуж – папа отводил три года. Расчертил карту военных действий:

– Даю тебе *вилку*: от двадцати одного до двадцати трех. В двадцать четыре выходят замуж от безысходности, хоть за косоногого, хоть за рябого. А пока, дочка, учись. Набивай голову знаниями! Придет время, я тебе жениха сам найду.

С четырнадцати лет Галя плотно мечтала о замужестве. Семья у нее будет идеальной, дом – образцовым, муж – ласковым и нежным. Щедрым почерком она исписывала страницы дневника, которым ей служил красный блокнот «Делегату XIX всесоюзной конференции КПСС»; теткин подарок. От мечтаний веяло литературщиной. Ну и пусть. Полная чаша, двое детей (волевой казак и тургеневская барышня, умеющая делать книксен). За вечерним чаем – чтение вслух, игра в лото и романсы. «Нехотя вспомнишь и время былое...»³⁴ Муж обнимет ее усталые плечи: «Ложись, я домою посуду».

С посудой, пожалуй, перебор. Ладно, без нее. Лишь бы без насмешек, скандалов и рыданий... Пусть балконы и перилы больше не стонут³⁵. Только бы любил. Сбросить позорные кандалы, которые она таскает из-за приставки «недо».

Недо-дочь, недо-ученица, недо-казачка Галя Пархоменко вышла за Олега по достижении минимального порога *вилки*. В двадцать один.

Жениха осмотрели, общупали и обнюхали, от родословной до материальной состоятельности, прежде чем выдали «добро» на замужество. Тем унижительнее была папина выходка после свадебного застолья. Усевшись с родней в черный минивэн, Пархоменко наконец-то выпил и счастливо запел: «Обманули Олежка на четыре кулака»; купчишка, подсунувший гниль заезжему простаку.

Став Барской, Галя засыпала в счастье месяца три. Никаких тебе слежек и контроля, живи без оглядки, да вот беда: не умела радоваться. Каждый взгляд знакомых и прохожих напоминал ей о собственном ничтожестве. Если слышался смех, можно не сомневаться: смеются над ней. Если упоминались незнакомые книги – беги, пока не узнали о твоём невежестве. Если восхищались чьей-то красотой – запевай. Пусть хоть за голос похвалят.

Сбагрив дочь, Пархоменко и не думал слагать полномочия верховного. Наоборот, ответственность выросла, теперь за двух. Дети непутевые, место под солнцем не выгрызут, по трупам не пойдут, глаз да глаз... Он привычно накидывал дочери амбициозные схемы: строить карьеру профессора, не разочараться не *обабиться*. Еще не хватало, чтобы ты стала заурядной Мариванной из Рязани. Олегу – заняться бизнесом, копить деньги на переезд из Подмоскovie в столицу нашей родины. Держите себя в тонусе, ребятки. Доложить об исполнении. Приказы не обсуждаются, а выполняются.

Галя выслушивала отцовские планы, изнемогая от бешенства и привычной немоты. Безволие, накрывавшее ее в *родительские дни*, сгущалось до самоненависти. Удачные аргументы приходили в голову недели через две. Вся ее жизнь была сшита по отцовским лекалам. Даже Бог занял сторону пампушки!

...Он позвонил хмурым декабрьским вечером и, как всегда это бывало, отрубил:

– Я считаю, вам пора заводить ребенка.

Прошел уже год после Галиного замужества. Год, в который ей было предписано категорически воздержаться от зачатия (неизвестно, как сложится, будешь потом разведенкой-одиночкой). И надо же, именно в тот день, двумя часами ранее Галя узнала, что беременна.

Через несколько лет другой папин звонок вытащил Галю из туалета – ее выворачивало наизнанку. Должно быть, несвежий творог на рынке подсунули...

– Григорий растет царьком и полубогом. Ему нужен брат, – отчеканил в трубку отец.

³⁴ Романс И. С. Тургенева «Утро туманное».

³⁵ Цит. из пьесы Н.В.Гоголя «Театральный разъезд после представления новой комедии».

Нет, я не отравилась, с тоской подумала Галя. Опять наверху утвердили отцовские схемы. Можно не бежать в аптеку за тестом. Можно не гадать, кто родится: мальчик или девочка.

Волны отцовских распоряжений накатывали все чаще и чаще, Галя поднаторела в боях. Ее можно было достать только критикой детей. По мнению папы, Саша рос дичком и совершенным неадекватом. Галя плевалась аргументами, напирая на собственный педагогический опыт, неговорящего до восьми лет Эйнштейна и... Впрочем, какой прок перечислять все, что она тогда говорила? И здесь папа оказался прав.

Ее проблемы измерялись лишениями бойцов и тружеников тыла в Великую Отечественную. Хронический недосып, шесть маминых больниц за год, Гришкины опыты с открыванием окон, диссертация, вечно командировочный Олег – по шкале Пархоменко все это тянуло на двадцать процентов от должной нагрузки.

– Жизнь – не только праздник. Семья – это работа. Ты полотенцем пот со лба не вытираешь. Пусть вдохновят тебя образы великих предков! Цели поставлены, задачи определены! За работу, товарищи, за новые трудовые достижения!

Подуставший отец теперь ограничивался лозунгами.

Приближаясь к дате 11.11., Галя представляла, как разорвет финишную ленточку, и стихнут агитки ее обожаемого палача. Ночами она разыгрывала желанную мизансцену, шлифуя мелочи. Лучше организовать встречу в ресторане: в случае неловких вопросов она набьет рот едой. Голосовая подача имеет колоссальное значение. Новость сообщается небрежно, как бы впроброс:

– Кстати, все забываю сказать: я ж второй месяц – заведующая кафедрой.

И он выпучит глаза, задохнувшись от восхищения: неужели эта дурища чего-то достигла без него?!

Одиннадцатого ноября жизнь Гали пошла псу под хвост...

Да не собиралась она ни в какую Америку! Что там делать, если на третьи сутки любой заграницы она задыхается? Париж и Мюнхен, Анталия и Фрайбург... – от надраенных площадей и чужого воздуха падает температура, замедляется коровоток. Нет уж, мне нужны пресловутые березки и родимое раздолбайство. Я пристрочена к Родине суровыми нитками.

Также крепко держали брачные кольца... Еще в детстве Галя поклялась: ее семейная жизнь ни на миллиметр не приблизится к итальянскому карнавалу родителей. Так что развод невозможен. Вот тебе второй икс в уравнении.

Когда Олежка двинул покорять Америку, времени осталось на доньшке. Потому и помчалась в церковь: пусть знак подадут *оттуда*. Отстояла службу, страстно молясь о том, чтобы ей разрешили заглянуть в конец учебника, с ответом свериться.

Пронеси эту чашу мимо меня!

Бог молчал, Галя рыдала неистово.

Увидев отца Николая, батюшку строгого и принципиального, она подскочила за благословением. Вот только услышит про Америку – запретит обязательно!

Батюшка оправил рыжую бороду и посмотрел сурово:

– Вы мужа любите? Венчанные?

– Да...

– Тогда езжайте за ним, куда позовет. Хоть на край света. В Америке тоже люди живут. Но смотрите, не хулиганьте там... В церковь ходите!

По дороге домой Галя шепотом упрекала Того, Кто передал неправильный ответ. Торговалась с Ним, как на турецком базаре. Предлагала взамен бессмысленные обеты, если Он передумает.

А потом ей выпало одиннадцать, черное.
...плещма Своима осенит тя, и под криле Его надеешься...

Господи! Да я всего лишь раз против папиной воли... Не отбирай его, Господи!

* * *

...В корчме «Тарас Бульба» отец и дочь с поразительной синхронностью поднимали левую бровь, когда слушали, и указательный палец – когда говорили.

– Ты запомнишь эту дату, как день самой страшной ошибки! Ты себя никогда не простишь, я тебе обещаю. Как была Мариванной, так и осталась. Я тащил тебя из мерзостей, а ты еще худшую гнусь нашла! Своими ногами в ад ступаешь!

– Папа, я готова признаться в чем угодно, хоть в покушении на товарища Сталина. Во всем, что касается меня. Но насчет ада... У Саши его быть не должно. В России его ждет интернат, понимаешь?

Папа посмотрел испытующе и припечатал:

– Я ему очень сочувствую... но значит, это – его судьба.

Ну, уж не-е-е-т... Насчет судьбы – это ты зря-я-я.

И закрутилось. И понеслось. Расстарался Галин ангел-хранитель так, словно выслуживался за годы халатной работы. Ни в чем его подопечная не знала препятствий. Лихо продала квартиру, расправилась с вещами одним махом – раздать, подарить, выбросить, мне теперь ничего не надо, не надо, не на-а-до! Бюрократическая волокита, выписки-прописки-визы – со всеми препонами управилась на раз.

И с работы уволилась красиво. Ушла непобежденной в никуда. Заодно прояснилось, кому она стояла костью в горле все эти годы.

Орлова удивила своей человечностью. Сначала ее чуть удар не хватил от внезапной и жесткой правды. Анна-Пална обмахивалась испанским веером, сочувственно раскачиваясь в кресле:

– Если что... Словом, если у вас ее заладится, дорогая Галина Михайловна, я с дорогой душой... от чистого сердца... ваше место на кафедре вас всегда ждет.

Галя растрогалась и позволила себе уткнуться в пышногрудую Анну-Палну.

Воистину: родня – не по крови.

Я тебе покажу – судьба!

* * *

И только заблудившись в Миннесоте, сидя на проселочной дорожке среди яблок и помидоров, она исторгла из себя упрямый кураж.

Хуже всего, что отец с ней по-прежнему не разговаривал. Стоя рядом с Гришей, Галя с тревогой прислушивалась к свистящему дыханию пампушки: слышимость в телефоне была фантастической. Папа смолил по две пачки в день, уповая на кубанский иммунитет. С тех пор, как ему исполнилось пятьдесят девять, он каждый год сообщал Галушке, сколько лет *перехаживает*, если верить статистике смертности.

* * *

*Не придет к тебе зло, и рана не приблизится телеси Твоему...
Знак! Поддай мне знак, что слышишь меня!*

– ...А Саша увидел на его плече татуировку и спрашивает: «Дядь Сереж, вы в тюрьме сидели?». Я чуть со стула не упала! Сама ведь ему про татуировки объясняла... А здорово, все-таки, что Олежкин начальник – тоже русский, правда, пап? Он только рассмеялся. Я ж, грит, в армии служил...

«...Узнику собственного тела достается немного. Память – злой властелин, да зрение – наглядное пыточное средство. Достаточно, чтобы молить о смерти каждую секунду. Но нет, пощады не жди. Еще тебе оставляют слух, чтобы душа корчилась в судорогах... Ее отчаяние, ее взгляд... Господи, да заведи ты меня напсих отсюда! Если смерти, то мгновенной... Или ты меня проклял? Пусть так, но дай мне всего лишь минуту! Минуту, чтобы сказать ей...»

Когда Пархоменко очнулся, его обуял ужас. Растение, не способное пошевелиться или извлечь подобие звука. Может он умер и его участь обсуждают ангелы? Но нет, вскоре он стал различать военные приказы профессора Соколовского и участливое щебетание медсестры Люси.

А потом он увидел глаза своей кровинки. Это были его собственные глаза, его лицо и тяжелая фигура. Крепись, доча. Казаки не плачут.

Теперь у Михаила Юрьевича было то, чего всегда не хватало – время. Можно заплывать далеко-далеко, в шестьдесят восьмой год, когда он вышел на перрон с чемоданчиком и самодельным ящиком, в котором подтекали перезревшие персики. Прямо с персиками и разрядкой от горкома Кропоткина юный Пархоменко отправился на улицу Орджоникидзе – поступать. Университет располагался в монументальном здании с колоннами и лепниной; бывшая Военная академия Фрунзе. От ящика с фруктами на яичном паркете образовалась лужа. Михаила изгнали с воплями, но ничто не могло его сбить с панталыку. История – «отлично», сочинение – «хорошо», английский – истерика профессоров и долгий бубнеж в кабинете. Кто Пархоменко, вы? Заходите. Никогда в жизни мы еще так не хохотали. Знаете, мы хотели поставить вам «кол», вы ведь пол-топика рассказали нам по-немецки... Небось, бывший фронтовик вас английскому учил? Ну, понятно. Пархоменко, мы решили поставить вам «хорошо» и рискнуть. Вы проявили такую волю к победе... Плюс блестящий послужной список. Из многолетней семьи, военное училище, армия, токарь, комсомолец-активист... Горком, опять же, высоко отзывается...

Он им доказал. Больше никаких «хорошо» в зачетке не было. Только «отлично».

– ...А когда Штаты с нашими в хоккей бились, такое в Гришкиной школе началось, ужас! Ничего не поменялось. Та же холодная война... В Твиттере, ну, это в интернете, понимаешь, пап, так и писали: капитализм против коммунизма! Гришка в школу отказывался ходить!

«Не трать время. Позвони Генке, водителю моему. Он тебе расскажет... Он все передаст...»

Семьдесят третий год, день рождения любимого племянника и первое свидание с Алевтиной. Сколько их, алевтин, бегало... а сердце екнуло только тогда. Попался, голубок. Отгулял свое.

Увидел, победил и ошибся смертельно, но уже зрело казачье семя... Хоть бы мальчик! Тю...

– ...продвинутая школа. Изучали «Один день Ивана Денисовича» – прохода ему не давали! Расскажи, Грег (они так Гришку называют), как тебе жилось в тоталитарной стране...

«Хорошо, что с бумагами успел. Ревзин – молодец. Купите себе коттедж, ребята. Хотя бы одну проблему закроете.»

– ...так Гришка весь урок с учителем спорил насчет Сталина! Однобокую точку зрения, грит, выдаете. Представляешь, папуль? Ты можешь гордиться!

«Уезжай, уезжай!»

– Ой, а давай я еще раз письма от внуков почитаю! «Дорогой, любимый мой дедушка...»

«Замолчи! Только не это!»

Дочка обрывала себя на полуслове, заливаясь слезами.

«Не сдавайся, слышишь? Ты все правильно сделала!»

Последнее, что увидел Пархоменко – семилетняя Галка в красном платьице, ноты – под мышкой. Она шла вприпрыжку, крепко сжимая его за руку. Вдруг остановилась и с тревогой спросила:

– Скажи, пампушка, а когда... когда тебя не станет... как я буду жить? Кто мне скажет, как правильно?

Они возвращались из музыкальной школы на Балчуге, ликуя от счастья: Галю взяли безо всякого блата! Директор, Бернارد Борисович, лично прослушал. Дочка ни разу не ошиблась, пропела и простучала. Ах, какая хорошая девочка, промурлыкал Бернارد Борисович.

Конечно, она же – моя дочь!

Он купил мороженое в вафельных стаканчиках, и Галка закапала новое платьишко. Эх ты, Дуся с мыльной фабрики! К вещам надо бережно... Батька твой – в одних трусах, все детство...

И вот тогда она ошарашила его странным вопросом.

Он поднял бровь и ответил совершенно серьезно:

– Всегда делай, как батька говорит. И будешь знать, что делать, когда уйду в края, откуда нет дорог...

Он специально ответил строчкой из песни – Галя немедленно ее подхватила:

Когда уйду в края, откуда нет дорог,
Я сам навек Россией стану.
Ночами росными в стволах твоих берез
Струиться будет кровь моя...

Маленькая Галя растворилась, уступая место его матери-покойнице. Одета в белое, мама была удивительно молода:

– Мишка, сынок!

В ее руках дымилась миска с варениками.

«Дома. Слава Богу!»

* * *

Галя вышла из больницы, ошарашенно пялясь на людей: они смеялись и ели на ходу, ругались по телефону и закуривали второпях. Как странно, им не было дела! Будто бы пару часов назад не случился ядерный взрыв. Будто никто из них не знал, как быстро развивается легочная недостаточность. А она вот в курсе теперь...

Она не слышала звонков телефона, прохаживаясь взад-вперед. По детской привычке следила за тем, чтобы не наступать на асфальтовые трещины. Ревел Ленинградский проспект, настигали московские сумерки, растворяя в себе добротные сталинские дома. Вот и пампушка любил строить на совесть. Он все и всегда делал правильно. Только главное упустил. Что я буду делать без него?!

Профессор Соколовский сказал, что у отца был тот самый загадочный случай – синдром изоляции. Редкое заболевание, последствие тяжелого инсульта, возможно – еще и инфаркта, клинически установить не удалось. При вскрытии можно увидеть...

Галина не слышала объяснений. Она поразилась тому, что существуют диагнозы поэтические и меткие. Это же про нее!

Все теперь одному. Только кажется мне,
Это я не вернулся из боя³⁶.

Синдром изоляции. Болезнь заживо погребенного. Синдром запертого человека. Теперь жить с этим синдромом. До смерти.

Прохожие натыкались на Галю, как на забытый колченогий стул, брошенный при переезде. Она застыла в людском потоке; потерявшаяся девчушка под сорок. Ее отпихивали, матерясь. Встала тут, не пройти-не проехать, приезжая что ль? Женщина, да посторонитесь вы, ей-богу!

Наконец, сердобольная старушка в задрипанном пальтишке подхватила Галину, довела до скамеечки на автобусной остановке.

– Что стряслось-то, милая? Ты, навроде как, не в себе.

Галя ответила не сразу, вспоминая:

– Папа умер.

Равнодушно сказала. Голосом механической тетки, что сообщала ей в детстве по телефону точное время.

Бабулька перекрестилась:

– Оспади! Царствие ему небесное! Сколь годков-то ему было?

Галя не могла вспомнить. Она отмахивалась от синевы папиных глаз, не замечая, как трясется ее тяжелая голова.

Наконец буднично заметила:

– Он уже семь лет перехаживает.

³⁶ В.С.Высоцкий «Он не вернулся из боя».

И только тогда разрыдалась.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Хуже смерти – ситуация, когда меня не надо, а я – есть.
Константин Райкин

Глава 7. Проклятый дом

Дом, проклятый дом в Мытищах, куда вы переехали из тополиного Замоскворечья – он во всем виноват!

Сначала тоскуешь по утраченной коммунальной квартире и соседям, будто разом лишилась ближней родни. Больше не угостят беляшами Бахтияровы, не позовут к баянным песням Тимошенки, не поделится Марь-Гаврилна секретным знанием о горько-сладкой бабьей доле. Вот уж мастерица была на жизненные истории – один рассказ про Иван-Петровича чего стоил. Перебираешь ошметки сюжетов и фраз Гавриловны и диву даешься: облик ее столетнего бонвивана, предмета женских сражений, никак не тянет на героя-любовника. Нынче сипит жалкое *драссь* на твое приветствие; костыль подпирает нетвердые ноги. А сама *фам фаталь* придавливает горло рукой, иначе вместо звуков получается одно шипение. Ты так и не спросила, что у нее с голосом приключилось...

Звук из сжатого горла соседки – клочкастый и хриплый:

– Петрович мой, Галчонок, – чистый орел. Мне за него родная сестра целый дом предлагала! Волосья-то я ей повыдергивала...

Со стариками разговаривать – слаще, чем книжки читать. Они не утомляют описанием природы, их жизнь течет без оглядки на руководящую роль КПСС. Такие пассажи в романах ты неизменно пролистываешь. А еще пожилые участливы и любят тебя без условий. Ни ремня, ни окриков, ни унижительных любовных фиаско. Словом, ничто не напоминает твою унылую жизнь.

Проклятый дом возвели на месте гибели самолета. Когда-то здесь находился аэродром, оттого и улицу, на которой стояла уродская девятиэтажка, называли Летной. Всякий раз, когда судьбы жильцов разбиваются в щепки, кто-то непременно вспоминает о растревоженном погосте. Семейные драмы, круглосуточные скорые и гробы на табуретках жителям дома на костях гарантированы.

О том, что увязла в гибельной топи, ты пока не догадываешься. Просто чувствуешь мгновенное отвращение к чумазому городу, обдуваемому вредоносными ветрами Северной ТЭЦ. С балкона виднеются грозные полосатые трубы: хлопковый дым забирает астматиков в смертельный плен. Ты же подолгу выкарабкиваешься из затяжных бронхитов – повезло. Лежа в кровати, развлекаешь себя рифмами: Мытищи – вонища, грязища, ветрище, сучища. Это и есть основные достопримечательности нового пристанища.

Не простится-не забудется постылому обиталищу ни одна горькая минута, даже в те дни, когда затрепещут боязливый огоньки счастья. Нет уж, предать анафеме! Ныне и присно и во веки веков.

Вскоре ты осознаешь, что который год ходишь по пепелищу, не замечая разрухи. И вовсе не город в руинах – твоя собственная семья. В квартире пахнет заплесневелым хлебом, грязными носками и ненавистью. Селевым потоком несутся проклятья и произносятся слова, которые раньше не говорили «при ребенке». Мама выводит зычное «Ра-а-звод!», как заправский шпехшталмейстер: торжественно и очень по-циркового. Раскатисто выпеваются гласные; гибельное слово улетает под купол. Очень похоже на циркового объявляльщика: а сейча-а-ас – смерте-е-е-льный номер!

Папа шепчет:

– Алевтина, не дуришь! Ты прекрасно знаешь: я тут обретаюсь только ради дочки.

Вот оно. Лучше бы тебя не было. Натыкаешься на стены, не глядя снимаешь с вешалки чье-то пальто и тихо выскальзываешь из квартиры. Зассанная лестница, восемь пролетов, зажать нос на первом этаже – алкаши день и ночь варят требуху – рвотные позывы, бегом на улицу! Не слышишь материнского окрика, приветствия старухи Никифоровны, которая дремала у раскрытого окна и вот встрепенулась. Ты оглохла.

Слоняешься по двору, ощупывая чахлые кустики сирени и хрупкие саженцы липы. На озеленение вы с соседями угробили три субботы. Перед домом раскинулось огромное поле, мальчишки гоняют мяч. У подъездов прыгают в резиночку знакомые девчонки, на лавочках расселись пожилые соседки. Можно присоединиться к любой компании, но ты бродишь в немом одиночестве. Зайти в соседний подъезд к Ирке Шевчук, твоей лучшей подруге? Нет, – качаешь головой, прижимая руки к пылающему лицу. Ирина семья – образцово-показательная: турпоходы с байдарками-палатками, лыжи, шедрые застолья с песнями и гоготом.

Вспоминаешь, когда последний раз веселилась. Давно... Веселый студеный вечер, семейная охота в поисках съестного. Вы обходите с мамой и папой все продуктовые. Крепко держитесь за руки – под снегом чернеет лед. В магазинах – консервированная морская капуста да пузатые банки с березовым соком, но вам очень смешно. Беспощадный сорокаградусный мороз лезет за шиворот и царапает щеки, приходится перебегать из одного магазина в другой. Все трое беспредельно счастливы. Три двадцать пять мелочью болтаются в папином кармане. Пятницкая пустынна и темна, и в звездное небо долетают осколки вашего последнего в жизни безмятежного хохота.

Как это все случилось?

Гостей, между прочим, принимали не хуже семейства Шевчук. Коммуналку на Новокузнецкой называли домом колхозника: родня, друзья, коллеги из глубинки, незнакомцы с записками от папиных бывших однокурсников. Мама остервенело чистит картошку – ненавидит гостей и боится, что не хватит еды. За столом родители сидят напротив друг друга и весь вечер перекидываются остроумными репризами. Хохмы летают, как шарик для пинг-понга, только успевай головой мотать. Папин сарказм витиеват, мамины ответы прямолинейны – все это выглядит как домашняя отрепетированная заготовка. Гости надрывают животы, и ты гогочешь еще сильнее, зная, что мама говорит чистую правду. Она не умеет притворяться.

– Во дают! Ну, артисты!

От смеха качается люстра, а ты шуришься от счастья...

И песни с плясками закатывать были мастера. Особенно, когда прикатывала шумоватая кубанская родня или навевывалась любимая тетка.

Тетя Лида передавала сумки с астраханскими дарами, принимаясь командовать прямо с порога:

– Газеты старые – живо! Будем рыбку жарить! Картошку-то чистить умеешь? Давай, Галюха, бегом мне кастрюлю начисть!

Обнималась с папой:

– Мишка, брат, похудел-то как... Не кормит тебя Алевтина, что ли? Язва? Ну-ну... масло облепиховое тебе достала, лекарства импортные... Через обком один хороший товарищ выбил, достань из черной сумки.

Мама смущенно разводила руками:

– Лидк, ну куда столько? Мы ведь тоже готовились.

Тетя широко улыбалась:

– Алечка, а я мигом, не успеешь глазом моргнуть.

И действительно, готовила тетя Лида весело и как бы между делом. Без мучительных маминых раздумий и вздохов (ну вот, опять: сели-съели! Жрأتвы коровьи!).

С приездом тетки (счастье!) тебя не гонят заняться делом, можно всласть наговориться. Ты садишься на расшатанную зеленую табуретку, которую папа притащил с помойки для строительных нужд, и рапортуешь по заведенному уставу: без причитаний и по делу. Лидия Юрьевна Пархоменко, мечтавшая стать начальницей над начальниками, лихо управляет с партийными шишками в своем обкоме.

От нее ты получаешь главные уроки:

- отдавать – важнее, чем брать;
- общественное – выше личного;
- быть нытиком – стыдно.

Тетя Лида приезжала в Москву навьюченная подарками, а уезжала с пятью рублями и сменой белья. Свои добротные костюмы она раздавала подружкам по Высшей партийной школе при ЦК КПСС. Маме дарила духи «Тайна Роша», а папе тихонько подкидывала деньги, о чем сообщала с отходом поезда «Лотос». Это был ее фирменный трюк: орать из окошка уходящего состава про «червонцы» и «пятерки», оставленные под скатертью или засунутые в папин пиджак. Отец охлопывал себя по карманам и грозил исчезающей в дымке сестре.

– Не оскудеет рука дающего, – твердила она.

У тебя есть два желтых рубля: копишь на твердые духи «Елена». Неужели их придется отдать? А если и вовсе нет денег?

– Деньги – самый примитивный вид бескорыстия, – говорит тетя Лида. – Жертвовать временем, добро делать, помогать – вот высшее милосердие. Хоть это и поповское слово, но оно правильное.

Ты рассказываешь о подслушанном разговоре родителей. Лезут наружу неприличные бабьи всхлипы, от которых тетя кривится лицом. Она неловко, одними локтями, обнимает страдалицу (руки перепачканы мукой; налепила сотню вареников, пока ты ныла). Тетя начинает разговор почему-то с совета постричься. Сама она всю жизнь стрижется под мальчишку – легко, задорно, ничего не мешает. Оно тебе надо, Галка, кудри навьючивать?!

– Ну что ты расклеилась? – Бульк! Вареники отправляются в кипящую алюминиевую кастрюлю. – Горя настоящего не знала, но хоть читала, надеюсь? Валя Котик, Леня Голиков... Что ты им могла бы рассказать? Живешь в сытости, благополучии, мирное небо над головой. А Зине Портновой, между прочим, фашисты выкололи глаза и отрезали уши! Какая у тебя беда, Галюха? Глупая частная история из жизни пионерки. Ты посмотри, на какие подвиги шли твои ровесники! Ради всего человечества, не ради одной своей семьи! Нет уж, дорогая моя племянница, выпрями плечи и голову вверх. Вот та-а-ак... Слабость унижительна, нытье стыдно, упаднические настроения оставим нашим врагам!

Тетка уже раскалила чугунную сковородку и кидала в нее ложкой сазанью икру. Через мгновение – оп-ля! – темно-зеленое месиво превратится в изумительно оранжевые, тающие во рту оладьи. Как раз кстати пришились ее любимые строчки из комсомольской юности, которые тетя незамедлительно декламирует:

Ну, а если кто падал в степях у отрогов
Стиснув зубы, себе говорил: «Поднимись!»
Это наша судьба, это наша дорога —
Пионер, комсомолец, потом коммунист!

Ты клянешься, что с завтрашнего дня начнешь новую жизнь, выкинешь мусор из башки и обязательно станешь такой, как тетя Лида.

Носишь в комнату вареники, баклажаны, оладьи, жареного сазана и пирожки, которые почему-то у тети всегда выходили треугольные. Бормочешь: «Поднимись!»

За столом родители вспоминают нищее детство, поднимают рюмки за Лидочку, за «чтобы не было войны» и нашу советскую Родину. Потом запевают, голоса их сливаются в концертный унисон.

Какое там проклятье? Чушь! У мамы с папой – временные разногласия. Такую гармонию не сыграть-не подделать!

Ты любишься ими, светлея лицом. Вступаешь с третьей строчки:

Очень вовремя мы родились,
Где б мы ни были – с нами Россия!

Комсомольцы-добровольцы,
Мы сильны нашей верною дружбой...

И еще – про берег турецкий и никому не нужную Африку.

Через месяц ты уже не вспомнишь о мерцающем счастье. Теперь родителей слаженно петь не заставишь. «Чтоб ты сдох!» раздаётся дома чаще, чем «Доброе утро». Мама вслух жалеет о том, что уже не работает на секретном заводе, где они с Люськой *мастерили* химическое оружие.

– Без цвета, без вкуса, без запаха... Вот бы подлить тебе, гаду, в супчик – никакая милиция не дотумкает!

Папа лишь усмехается. Он опасается скорее несвежих котлет, чем маминых угроз.

Вы молча едите баланду из капусты и мяса. Мама называет ее солянкой. Ты приучилась есть все, что дают, не разбирая цвета, вкуса и запаха. Папе тяжелее: вырос на уютной домашней кухне, и его мама, твоя бабушка, добралась до нобелевских высот в науке «Забота о мужчине».

Отец требует поставить солонку и подать вышитый бабулей рушник, который он смешно называет *тряпичкой*.

Солонку от мамы он однажды получил. Точно в глаз.

Мать считала, что создана для любви, а не для семьи и громко причитает: впереди – выходные! Это ж *скотину* свою придется кормить целых шесть раз! Выслушивать его идиотские подначивания и жестокие насмешки, от которых так и чешутся руки морду набить. А в Третьяковке открыли обалденную выставку! А в «Новом мире» ждет нечитанный Искандер! Эх, была я девка бравая, с парашютом прыгала... А как повесила на шею ярмо с носками его вонючими – небо с овчинку стало!

Ты тихо вставляешь:

– Носки папины я все перестирала.

Мама смотрит на тебя с презрением:

– Эх ты... отцовское отродье. Разве ж в носках дело?

По пятницам который месяц дают одну и ту же пьесу.

Папа зачерпывает первую ложку *кацанского* борща и осторожно спрашивает:

– Что это?

– Ешь, что дают!

– Алевтина, а ты все туда положила? Сделала по технологии?

Мать смачно плюется:

– По рецепту! По технологии!

Папа с трудом пережевывает жилистое мясо и усмехается:

– Алевтина, тебе бы работать поваром в тюрьме. По закладке – все продукты использованы, ни один ОБХСС не придерется, а жрать невозможно. Зеки будут проситься на свободу!

– Ах так, гад?

Кулинарный шедевр летит в унитаз. Какая кульминация, какой драматизм! Жаль, что ты не в силах наблюдать за ними просто как зритель.

– Алевтина! Куды?! Дай супчику!

Отец то ли ревет, то ли рычит.

– Хрен тебе! – злорадно восклицает мама.

Ты чертишь ногтем по клеенке, не поднимая глаз. Еще, чего доброго, про оценки вспомнят.

Мама ничуть не расстроилась и уже забыла про суп. Убежала в спальню, погрузилась в очередной самиздат (*Люська-на-день-дала-потрясающе*).

Бутерброды с ливерной колбасой подытоживают семейный вечер. Папа наливает стопку и обязательно чокается с твоим носом:

– Как я выжил, будем знать только мы с тобой.

Ты хочешь выкрикнуть: «А мне-то как выжить?!», но лишь деланно улыбаешься.

Ночью вопишь в дневнике: «Хоть бы кто-нибудь меня полюбил!»

До восемнадцати – целых пять лет. Вечность.

* * *

Стать отличницей мешает врожденная тупость в точных науках. Ничего, есть еще общественная работа: вожатая в младших классах, староста, председатель совета отряда и вершина пионерской карьеры – председатель совета дружины.

Новую жизнь ты начинаешь с того, что записываешься во все кружки и восстанавливаешься в «музыкалке», с которой у тебя несчастливый многолетний роман. Теперь можно законно отсутствовать в проклятом доме целыми днями. Хочется поскорее добиться невероятных побед: пусть у пампушки найдется повод похвастаться перед родней. На фоне двоюродных братьев-сестер ты беспросветная неудачница.

Сообразив, что быстрый успех возможен только в пении, ты бросаешь танцы, рисование, «Юный турист», «мягкую игрушку», а потом и КИД, клуб интернациональной дружбы. Через полгода бессовестно пропускаешь хор: ты и так – бессменная солистка, а в распевках участвовать – скукота одна!

«Музыкалка» требует гиперусидчивости и расплющивает самооценку диктантами по сольфеджио. Каденции и тоники – да ну их в баню! Мелодию ты и так подберешь.

КИД оживает только раз в два года, по приезде делегации коммунистов из Лиона. Ты шустро разучиваешь французскую абракадабру про песика Пифа, раздариваешь гостям «спутницы тревог» (красные гвоздики) и немедленно впадаешь в онегинскую хандру.

Остается фотокружок. Там, за ободранной дверью, покрытой коричневыми лоскутами краски, таится сокровенный любовный интерес. Не к проявителям-закрепителям, конечно же – к Ромке Спиридонову.

Накануне вторников и пятниц ты спишь на железных бигуди и отутюживаешь пионерский галстук. Внимаешь каждому слову Ромика. Он мог бы рассказывать таблицу умножения – ты бы нашла, чем восхититься. Ирка Шевчук не миндальничает: режет Спиридонова издевками и обрывает на матерном слове:

– Щас мы с Галькой встанем и уйдем.

На занятиях по «фотику» вы только и делаете, что болтаете. Иногда руководитель кружка, Александр Моисеевич, дядя Саша, усаживает вас фотографироваться. Потом Дюша по кличке «Нарисованный» (из-за удивительной синей родинки на щеке) предлагает всем прошвырнуться по микрорайону. Ты с мольбой смотришь на Ирку. В вашей компании все зависит от нее.

Мальчишки следуют за вами на значительном расстоянии: ведь вы приличные девочки, еще кто увидит! Обсуждаете с Иркочкой этих *дураков несчастных*, которые, судя по всему, говорят о вас в той же манере. Подружка шепчет: мол, если и поцеловаться с кем в первый раз, то точно не с Ромкой. У него умишко кузнечика, да и ростом невысок. Ты вздыхаешь: у Спиридоны синие глаза и очки. Как у папы... Он глуповат, конечно, но все же лучше одноклассников, потому что старше на два года. Всю жизнь тебе будут нравиться взрослые мужчины.

На «фотик» тащишь пирожки с картошкой и капустой. Небрежно бросаешь, что от скуки смандрячила. Твои губы и веки блестят от вазелина «Норка», а глаза – безо всяких ухищрений. Шевчук смотрит с подозрением. Спиридон, Нарисованный и Женька-Китаеза закатывают глаза: пирожки – ага! Ты самодовольно улыбаешься: в кулинарии Ирке тебя не переплюнуть. А вот пение тут не поможет. Шевчук солирует наравне. На *монтаже* к Седьмому ноября Ромка одобрительно свистел с заднего ряда, когда она выводила «Я возьму этот большой мир».

За пирожки тебе достается целых два слова!

– Молодец, Пархоменко, – говорит Спиридонов.

И ты видишь себя в белом платье с синеглазым божеством.

Чтобы закрепить позиции, в пятницу после шестого урока ты летишь вперед Ирки в каморку «фотика». Надо пересечь огромную столовку, где сейчас обедает Моисеевич. Он добряк и балагур, поэтому окликает тебя, приглашая за стол. Куда там. Ты притоптываешь на месте, отказываешься от коржика, закручивая пальцем обесцвеченный гидроперитом локон. Взгляд останавливается на планках орденов, приколотых к его истлевшему пиджаку. Он прошел всю войну фотокорреспондентом. Меткий глаз и талант художника: в альбоме и сегодня его фотографии – самые лучшие. Остановись, поговори с дедом, чего тебе стоит?

Нет, ты мямлишь наспех придуманную чепуху и прыжками достигаешь цели.

Хоть бы ты ногу подвернула!

Ромка со товарищи уже на месте. Обычный юношеский треп, со смехом и матом.

Заходи уже, не стой!

Но ты зачем-то останавливаешься у облупленной двери и слышишь обрывки разговора, не предназначенного для твоих ушей. Сначала сердись: мальчишки, все-таки – такие дубаны! Оценивают девчонок по пятибальной системе и голосуют за *четких* баб. Естественно, их критерии – ноги, жопа и грудь, а не количество прочитанных книг. Примитивы.

Ирку Шевчук пацаны оценивают на четверку с плюсом.

– На пять, – поправляет их Ромка странным кастратным голосом.

Интересно, это фальцет или дискант?

Ты обрываешь заусенцы и боишься, что за дверью услышат, как стучит твое сердце.

Всплывает фамилия Пархоменко, и ты перестаешь дышать.

Сперва вспоминают твои лихие купеческие забавы: в позапрошлую субботу оплатила катания на аттракционах в парке.

Ты вздыхаешь: да, сорила деньгами, миллионерка припадочная. На эффектную прогулку уплыли два рубля и синенькая «пятерка», что подарила тетя Лида. Не оскудеет рука...

Потом они проходятся по внешности. Ноги: у тебя их нет. Ну, то есть, они не эффектные, с толстыми коленями, кривоватые в икрах. Такими ногами издавна пользовались твои предки. Они созданы для того, чтобы крепко стоять босиком в теплой, жирной земле, когда руки снимают колорадских жуков с кустов картофеля. Грудь – имеется. Нарисованный даже сказал: «Во!», но Китаеза квакает насчет толстой фигуры.

Ты готова ворваться в каморку, и тут встречает Ромка:

– Че ее обсуждать-то? Кто сказал, что Галька – баба? Галька – правильный мужик!

Судя по звукам, они там от смеха со стульев попадали.

Ты бежишь через столовую, лестница вниз, дом – вот он, только футбольное поле пере-
сечь. И только в квартире обнаруживаешь, что оставила в школе и куртку, и сменку. Так
и бежала в босоножках по ноябрьской хляби.

Наутро проходишь мимо бывшего марьяжного интереса. Спиридон увивается за тобой
и хлопает по плечу:

– Пархоменко, ты че? Своих не признала?

Ты рассматриваешь ленинский профиль на его комсомольском значке и приветливо-рав-
нодушно говоришь:

– Мальчик, ты кто? Перепутал? Бывает...

* * *

Ночью сказала вслух:

– Господи, если ты существуешь, дай знать.

Тут же раздался ужасный грохот. *Кто-то с размаху швырнул пианино.*

Одеяло – на голову. Тряслась, пока не случился с тобой то ли обморок, то ли сон. Утром
осмотрела инструмент (целехонек) и больше никогда не сомневалась.

Останки замоскворецкого счастья истаяли на глазах. Проклятый дом пленных не брал.

Учи до крови в глазах!

Алевтина, давай жрать! – Перетопчешься!

Ты смотри, как этот Горбачев без бумажки чешет...

А папаша твой: «Делай аборт – уйду». Щас! Родила вот... а ты – высранный батя.

Как не читала? О чем с тобой разговаривать, бестолочь?!

Идиот, ребенок с давлением! Хочешь, чтоб как я – по больницам?

Мне не нужна здоровая дура! Пусть будет больной. Но умной!

Это блюдо не удалось тебе эстетически.

Про Чернобыль Люська сказала, что...

«Или куришь натошак, или пьешь с похмелья».

Неси ремень.

Лидка приезжает: чтоб тихо мне тут!

...быть счастливой в борьбе, в ощущении причастности к нашей великой...

Занимайся ребенком! – Она что, грудная? Нами никто не занимался.

«Ищу я выход из ворот, но нет его. Есть только вход, и то не тот».

...сделал инвалидом! – Будя брехать-то! С пороком сердца замуж пошла и скрывала...

Да видели его наши ПВОшники. Шлепнуть побоялись.

Твоя дочь – рецидивист. Лезвием оценки подтерла!

Пять дней до полочки. Несите всю мелочь, какая есть.

Стань отличницей или смени фамилию!

...речь Ельцина на пленуме... Читай быстрее – дали на два часа.

«А у меня – и в ясную погоду хмарь на душе, которая горит».

Галя, тебе мальчик звонит... МАЛЬЧИК?!

Раиса – модная какая. Он ее во все поездки таскает.

...в мерзости дикой русской жизни! Хочешь дурой вырасти, как мамаша?!

Твои поминки будут самым счастливым днем в моей жизни!

«Чуть помедленнее, кони...»

Дай хоть что-нибудь – загрызть! Желудок...

Сто кило лишнего веса – я ж тебя замуж не отдам!

Я ворую деньги? Сам, небось, на баб министерских спустил!

Во дает Коротич! Не боится...

...седьмой тромб. По старому шву – чик-чик ножницами... я видела, наркоз-то местный...

Ра-а-азвод! Ра-а-аздел!

Какой тебе компот? Март месяц на носу! Витамины!

Сама должна знать, как решать задачку. Ищи правило.

...портье. Мишка по благу устроил... Я ж столько не работала...

Алевтина, чеши к матери. Тошно.

Трехкомнатную – из-за меня... Инвалидная книжка...

Юбку топором порублю! Одедась, как нехорошая женщина! Алевтина, ты следишь за ней?!

Отпустите меня, братья-славяне. – Так проваливай! Не плачь, Галька.

...подкалымила. Десять копеек могу дать. Югослав один... на чай.

...пороть, как сидорову козу!

...все-е-е доложили! Какие букеты заказывал! Во-о-от куда наши денежки ушли!

Фильм – не детский. Иди почитай что-нибудь умное.

Твой Гойко Митич звонит. Или он – Олеко Дундич?

Погулять? Вокруг дома и на полчаса. Что я тебя видел!

«Нет, ребята, все не так! Все не так, ребята».

Вставай, мать по скорой... прямо с работы.

...Геморрагический инсульт, который мама со смехом называла геморройным, обернулся ее девятилетней депрессией. Бывшая оптимистка подпевает похоронному маршу, который звучит в ее голове. Во время больничных свиданий мама скользит по тебе безучастным взглядом и отвечает папе тихим голосом. Ты сердисься, не понимая, почему.

Вы с отцом – альпинисты. «Пусть он в связке с тобой одной. Там поймешь, кто такой». Сражаешься с запеканкой, оттираешь серые хлопья в ванне и к Пасхе разбираешь змеиные углы на антресолях. Пока маме впихивают лекарства в больнице Ганнушкина, избавляешься от ее экспериментов с консервацией. Мамины огурцы взрывались, баклажаны походили на застывшее дерьмо, содержимое нескольких банок установить не удалось. До конца жизни не искоренишь привычку нюхать все, что собираешься съесть.

Вы сидите на кухне, обнявшись. Поете о том, что запомните братство фронтовое. На всю оставшуюся жизнь...

Папа, чокаясь, спрашивает:

– Не предашь меня, Галушка?

Ты выдыхаешь:

– Никогда!

Жить не боишься только когда у него хорошее настроение. С тех времен вы – пампушка и Галушка, отец придумал.

Он балагурит, напевая Высоцкого, и мастерит. Сегодня вы заканчиваете кухонную лавку, обшиваете рейками боковушку. Ты крутишься рядом для того, чтобы подсобить, *создать упорину* топором, гвоздь подать. Предугадываешь его намерения и подаешь пассатижи, молоток... Папа доволен: мужскую работу ты освоила прилично. Жаль, что не мальчик, главное разочарование отца. Беспельно угробишь два десятка лет на то, чтобы стать казаком. Сыном славы и воли.

Если пампушка не в духе – сиди в *светелке*, не высовывайся. Ночью пожрешь, не сдохнешь. У тебя ж *сто кэгэ лишнего веса*. На вопрос «Чем занимаешься, Галина?» следует крикнуть: «Вышиваю салфетку!»

Хорошие девочки только и делают, что рукодельничают или читают. Совершенством в папиных глазах является героиня песни «Подари мне платок». Ничего не спрошу, ничего не скажу...

С идеальными женщинами отцу, прямо скажем, не повезло.

Из-за его плохого настроения постоянно тянет в туалет. Страшнее всего, когда бьет словом. Ремень – фигня. Разбор твоей личности заканчивался слезами (ошибка! Плач распяляет отца!). Ты еще не освоила технику владения собой. Хмуро киваешь, мысленно повторяя правописание безударных гласных в корнях слов. От истерики это средство – верняк.

Бер-бир. Мер-мир. Пер-пир...

Мне не больно.

...Вернувшись домой, мама первым делом выкидывает антидепрессанты и берет с тебя клятву никогда не садиться на таблетки.

– Эта гадость способна завалить бегемота!

Кажется, она вернулась в себя: ожесточенные бои с папой переходят в решающую стадию. Тебя делят вместе с другим нажитым имуществом.

Вот бы сбежать из дома! В четырнадцать лет на работу не берут. Даже почтальоном. Ты узнавала. Не собираешься ни с кем из них оставаться. Ненавидишь обоих. Клянешься, что у тебя никогда не будет развода. Если повезет и вообще возьмут замуж. Продолжаешь мечтать о суженом. «Если веришь, сказка оживет!». В школьном дневнике появляются тройки и двойка по поведению. Больше не интересно быть главной пионеркой.

В день развода (пришли из ЗАГСа под ручку, как голубки) ты стащила у матери две начатые пластинки феназепамы. Легла на кровать и застыла в ожидании «холодного сна могилы».

Сон был крепким, но иногда долетали клочки странных диалогов. «Театр у микрофона» они, что ли, слушают?

– Алевтина, дай яйцо!

– Рубль с тебя!

– Какой рубль? Они ж по рубль пять – десяток?

– А ты – поди! Купи!

Никто тебя не хватился. Будто в семье дети только и делали, что дрыхли по сорок восемь часов.

В понедельник собиралась в школу озадаченная: может, Бог заменил таблетки на просроченные?

После неудачного суицида наступает апатия. С ней ты и выслушаешь папино решение. Остаешься с ним.

– С матерью ты погибнешь, – твердо говорит отец.

Ты киваешь. Здесь бы сгодился монолог Ларисы из «Бесприданницы».

Вещь... да, вещь! Они правы, я вещь, а не человек...

Осторожно спрашиваешь насчет *министерских баб*. Папа распяляется: да ни одна женщина не переступит порог, пока есть ты!

– Это было все, что осталось у него в жизни, что пока роднило его... со всем этим... под холодным солнцем миром!

В голосе отца – ярость и страсть.

«Тихий Дон», конечно. Смотришь с мольбой в глазах:

– Ты не предашь меня?

Отец вскидывает бровь в изумлении:

– Ты шо, дуручка, что ль? Никогда!

Бредешь за ним в новую жизнь с чемоданом, попорченной совестью и в слезах. В спину – последнее напутствие матери:

– Чтоб тебе пусто было! Чтоб ты так же страдала от собственных детей! Увидишь – они тоже тебя бросят.

Малодушничаешь: у тебя нет выхода. Утешаешься: материнские проклятия – бабские выдумки. Задабриваешь совесть: мама же тебя просто ненавидит.

Но долгие годы обмираешь от страха: а вдруг ты родишь дочь?!

* * *

Московской школе приходится соответствовать: за пятерки работаешь, как ночной грузчик. Легко миришься с ненавистью одноклассниц. Па-а-думаешь!

Зато твоя чужеродность вызывает интерес у мальчишек. На все непонятные ситуации заготовлено особое выражение лица. Безразличие. Рисунок роли – не сложнее есенинского стихотворения. Ты их учишь десятками. Упиваешься созвучием чувств с великим рязанцем.

Не жалею, не зову, не плачу.

Какое восхитительное состояние – овладеть, наконец, своим лицом и телом! Какая мощная броня! Все происходящее можно объяснить предлагаемыми обстоятельствами. Роли становятся заглавными, эпизодическими, но всего лишь – ролями, а не проклятой судьбой. Если понарошку, то жить можно. Ад, где твоя победа?

Вот вернулся с работы отец. Прячем книжку «Богач, бедняк» и хаотично раскладываем рекомендованную литературу: Соболев, Шолохов, Игнатъев... Папа считает, что правильным чтением можно выбить из себя Мариванну.

Он замечает «Пятьдесят лет в строю» и поднимает бровь:

– Ты же в прошлом году читала.

В голосе слышится подозрение. Играй убедительно!

– Так перечитываю, пап!

Он прижимает тебя к плечу и цитирует Шолохова. Вы с ним – две песчинки, два осиротевших человека. И что-то про того, кто обязательно выдюжит около отцовского плеча, все преодолеет, если позовет его Родина.

Ты пуста и бестрепетна. Даже не поинтересовалась, почему он назвал тебя сиротой. Мать ведь жива. Внешне все выглядит как раз наоборот: трепет дочерней любви выворочен до отказа. Папа видит в тебе то, что хотел.

Надо пробовать театральный. Пускай ты уродина, в театре на красоте далеко не уедешь. Там харáктерность и талант нужны! А вдруг нет таланта?! Все отдашь за то, чтобы прекратить дешевые пьески в обмен на любовь. А вдруг тебя полюбят миллионы?!

И тут – словно кто-то услышал. Престарелая Нимфа объявила про драмкружок.

В миру ее зовут Ниной Дмитриевной. Русский-литература. Ни фига, конечно, не разбирается в мотивах, идеях и сквозных сюжетах. Всех ее достижений – заученная наизусть поэма «Двенадцать». И то – чудо, что помнит! В ее-то годы...

Старухе лет пятьдесят, а то и все пятьдесят пять, но она видит себя восемнадцатилетней шалуньей. Обрягается в платье с рюшами поросычьего цвета и носит распущенные волосы. Безжизненные патлы неряшливо лежат на плечах. Видимо, это называется «ниспадают волной дивные кудри». Морщинистый рот густо намазан фиолетовой помадой с перламутром – небось, купила за трешку на Рижском рынке у тех же цыганок, что и ты. Словом, бабка обезумела: одной ногой в могиле, а все играет в упругую молодость.

Нимфа говорит, будем ставить Лермонтова, и ты тотчас начинаешь репетировать княжну Мери. Запираешься в ванной и репетируешь перед зеркалом томные взгляды из-под ресниц.

В те времена разглядывать кавалера считалось моветоном; логика действий персонажа – это ж понимать надо! Сама, например, тоже ни за что не станешь пялиться на Серегу Мразина.

Кроме фамилии, все в нем – совершенство.

Чтобы добиться впалых щек, ты просидишь две недели на огурцах и редиске и достигнешь исторического минимума – шестьдесят восемь килограммов. Трюк, который не сможешь повторить никогда.

Серега проявляет интерес: подкравшись сзади, засыпает твои волосы крошечными семенами пришкольных деревьев – дворники нагребли их целые кучи.

Ты только что сделала химическую завивку: трудно будет их потом выковыривать. Но логика действий персонажа понятна. Выдаешь изумительный смех переливчатого колокольчика. На днях подслушала у соседки: восхитилась, отрепетировала и – хоба!

Потом хулиган прячет твой портфель и, ухмыляясь, обещает его проверить при всем честном народе. А вдруг ты инопланетянка? Уж больно не похожа на остальных.

Твой дневник с мечтами и планами спрятан в домашней библиотеке, за пятым томиком Чехова. Бояться нечего.

Зато! Он! Выделяет! Тебя! Среди других!

Сердце прыгает к горлу.

Но момент ликования портит перламутровая мымра:

– Пархоменко, куда тебе – княжну Мери? У тебя взгляд уставшей сорокалетней женщины. Да и конституция твоя, Галя, подкачала...

Повторяй таблицу умножения. За челкой не видно потеющего лба, а руки можно держать в карманах.

– Мы возьмем линию Печорина и Веры, – говорит старуха, не замечая твоего состояния. – Свежо и не банально. Ты прекрасно подойдешь на роль Веры. А Печорина сыграет Мразин. У него хорошая фактура.

– Почему я?! – возмущается Серега с «камчатки».

– Потому что у тебя шесть двоек в полугодии, последний шанс остаться в школе!

Нимфа прощена: она ведь и тебе шанс подарила!

...На репетициях стараешься за обоих. Помогаешь партнеру обжить мизансцены и устанавливаешь контакт «из души в душу», как завещал Станиславский. На сцене отступает истерическая робость влюбленной. Чувств не стыдишься, здесь они уместны. Отделяешься от зажатого тела и паришь!

Возвращает на землю прокуренный голос Нимфы:

– Печорин, ну куда ты смотришь?! Из всех женщин ты любил только Веру, неужели непонятно? Где твоя страсть? Где намек на запретную любовь?!

Серега похабно ухмыляется. Покладисто соглашается:

– Сделаем, Нин-Дмитна.

Мастер-плиточник на шабашке, да и только.

Он уже несколько раз смотрел на тебя *другими глазами*.

Ты ведешь Серегу к долгожданному финалу терпеливо и настойчиво. Так утка-мать отправляет своего малыша в самостоятельное плавание.

Открылись шлюзы нежности, и Печорин тонет в поцелуях Веры. Вы заперлись в кабинете: классная удачно слегла с пневмонией. Ты староста и комсорг, тебе и ключ в руки.

С ним ты оставляешь актерство. Готова босиком по снегу. Предлагаешь себя всю, от чего герой потрясенно отказывается. Вам по шестнадцать, но он еще ни разу не терял голову от любви. Мысленно отправляешься с ним долгую дорогу, чтобы в конце – вместе... в вечность.

«До гроба ты хранитель мой!»

«Я люблю – и, значит, я живу!»

Жалко, что все уже сочинили до тебя!!!

Только не бросай меня. Бормочешь, задыхаешься, держишь в горле слезы, утыкаясь в его голое плечо.

«Каштанка бегала взад и вперед и не находила хозяина, а между тем становилось темно».

Очень скоро хозяин с деликатностью пьяного лесоруба объявляет о вашем расставании. Смотрит в окно и бубнит, что из-за тебя стал *нечетким пацаном*. Пива бы с друзьями, на футболчик сгонять, музон на кассету перекинуть... «Делеш» новый, сто первый концерт... А тут – ты. Дышать нечем стало.

– Да и вообще... – бросает он.

«Вон пошла», – переводишь ты.

Бывший суженый включает магнитофон и выходит из класса. Он продумал финал.

К этому дню ты уже решила на смену фамилии. Хотя Мразина звучит гораздо хуже, чем Мразин: возможно двойное ударение.

Сядишься на парту и слушаешь песню. Какое поэтичное объяснение с героиней! Мразин превзошел себя. Сильная концовка, удачный режиссерский ход!

Она сидит в темноте. Публика сопереживает и силится понять зашифрованный смысл:

Ты звонишь мне каждый день,
Я не знаю, как мне быть,
Я не знаю, как мне дать тебе понять,
Что я уже не тот...
Раньше я тебя любил,
Но сердце больше не поет,
И с момента нашей первой встречи
Скоро будет целый год...
Ты выглядишь так несовременно
Рядом со мной...

Ты прослушаешь Цоя шестьдесят три раза. Зрительный зал, кажется, тоже считал, утирая слезы.

Нам понадобится сильная Гурченко, чтобы не сдохнуть. Возьмем «Вокзал для двоих». Ей, кстати, дали «народную» за этот фильм. Значит, не слабо сыграла.

Встала. Собралась. Пошла.

Проход официантки Веры по мосту. Пластика, неприступные плечи, упрямая спина! Отчаяние сменяется неприступностью.

Да я – богиня!

Шагаешь домой, не теряя ни одной краски. Вот это называется мастерством!

Наутро уверенно скользишь мимо Мразина с лицом и поступью великой Люси Марковны.

Он ничего не спрашивает: значит, убедительна.

Вы учитесь в одном классе еще полгода, трудный репетиционный период. Потом его-таки выгонят из школы, спектакль развалится, ты свободна! Только потерпи, выдержи сейчас!

Берешься за приготовление огромного списка блюд: печеночный паштет, сырники, домашняя буженина, торт «Наполеон». Лепишь вареники на роту солдат.

– Дочка, ты плачешь?

– Не-е-е, это от лука...

* * *

– Будешь поступать в лучший вуз страны. Первый в мире... международный...
Все решил за тебя. Гарантирует блестящую карьеру. Папа и сам закончил *первый в мире*.
Работал с Зориным и Познером на Гостелерадио, и «если бы не квартирный вопрос, не твоя
мама, если б не было войны...»

Впервые ты, говоря папиным языком, выказываешь неповиновение. Хочется попробо-
вать до безумия, поэтому восклицаешь:

– ВГИК! ГИТИС!

Он отмахивается:

– Туда взятка – пятнадцать тысяч, три «Волги». А без денег – кто тебя возьмет?!

Выдавливаете полувопросительную фразу о таланте и тогда он производит скупой сло-
весный расстрел. Упоминает Мордюкову и – оп-ля! – в твоей сумке болтается коричневый
студбилет того самого универа.

Учишь наизусть Шекспира, шлифуешь сутками фонетику и читаешь, читаешь...

В книжных курганах навеки погребена, синенькая такая – «Моя жизнь в искусстве».

*Friends, Romans, countrymen, lend me your ears*³⁷.

На втором курсе вам дают нового препода. Грамматику, изложение и аудирование теперь
ведет Светлана Геннадьевна Кострова. Поначалу ты настроена критично и воинственно, как
кумушка на лавке. Слишком молодая она, слишком дерзкая и свободная для советского педа-
гога. (СССР исчез восемь месяцев назад, но вас учат по махристым учебникам и пожелтевшим
листочкам; «слепая» печать семидесятых годов). Кострова приносит в аудиторию глянцево-
книжки, там по-русски – ни слова! На занятиях разговаривать только по-английски. Выкручи-
вайся, как можешь. Не знаешь слова «сено», говори «сухая трава».

Узкая юбка, белая рубашка, импортный платок, шпильки, насмешливый рот. Твоя юбка-
макси из джинсовой «варенки» смотрится убого. Стараешься очаровать преподашу знанием
основ, объясняясь топорным стилем из «бонка». Светлана Геннадьевна гоняет вас по сослага-
тельному наклонению и сражает наповал феноменальным словарным запасом. Он у нее – раз-
мером с океан. С первой минуты высмеивает русский акцент: кто еще от него не избавился?!
Мягче, легче! Не, honey, home! Единственный препода, который разрешает говорить на амери-
канском английском. Остальные строго пресекают фонетические вольности:

– Are you American? – спрашивают. И сами же отвечают: – Not yet³⁸.

Светлана Геннадьевна учит переводить с листа. Тому, кто не способен синхронить, она
советует идти в агрономы. На каждом занятии требует подробных рассказов о свободном вре-
мени и удивляется: отчего никто из вас не работает?!

– В Москве работы – навалом! Один частный урок – десять долларов, – говорит она.

Смущенно переглядываетесь с подружками: разве так можно? Вы ведь недоучки...

Кострова по-своему истолковывает неуверенность второкурсников. Разочарованно гля-
дит зеленым глазом; пол-лица зашторено волосами.

Ты решаешься рискнуть. Вот и выход из бедности. Первому ученику – пять лет, сынок
новых русских, у него есть собственный компьютер. Ты уверенно врешь ему: у самой дома
точно такой же, и контакт налажен.

³⁷ «Римляне, сограждане, друзья!» – цитата из трагедии У. Шекспира «Юлий Цезарь».

³⁸ Вы американцы? Еще нет.

Перово-Ясенево-Бибирево-Сокол... Летаешь по урокам, до слез благодарная Светлана-Генадьне.

Пройдет время, она станет для тебя просто Ланой. Подругой, а затем – нитью Ариадны. Бывает, у человека такое призвание – работать круглосуточным спасателем. Лана выводит блуждающих на плодородные земли с такой частотой – Моисей обзавидуется.

* * *

Отношения с мамой стали сносными, слава-те-господи.

Она воодушевилась перспективами: сорок с небольшим, никто не мельтешит перед глазами, простор для полета. То и дело восклицает, какое это счастье – снять проклятый хомут замужества. Не ищи себе, Галка, мужика на шею. «Дворцов заманчивые своды не заменят никогда свободы».

В твоей бывшей квартире на Летной – идеальный порядок. В холодильнике бытует минимализм холостяка: пачка масла, батон хлеба, десяток яиц, плавленый сырок. Мама приходит домой переночевать и то не всегда. Друзей-то навалом. Выставки, встречи с интересными людьми, протестные митинги – все, на что так щедры голодные девяностые – захватили маму и несут на смертельной скорости.

– Так интересно жить, не помереть бы раньше времени!

Однако проклятье дома работает, как автомат Калашникова. Бац – и мама снова собирает больничный вещмешок: кружка, ложка, тарелка, ночнушка, рулон туалетной бумаги.

Ты волнуешься умеренно: десятый по счету тромб, люди вы опытные. С утра едешь в больницу; перемешались в сумке апельсины, сигареты и крохотные белые книжечки (любвные романы – мамино открытие девяносто второго года). Входишь в палату и видишь, как она катается по полу и грызет кровавые губы.

Прошло двенадцать часов без операции. Хирурги разбежались, остался один «глазник». В Москву ее не отправили, потому что у «скорых» нет бензина. А там езды-то – двадцать минут!

Дура ты нерасторопная! Надо было ночью к матери ехать!

Хватаешь такси, мчитесь в МОНИКИ.

Исчезла ее фирменная бычья выносливость: кричит во всю глотку и рыдает без слез. Таксист останавливается:

– Вылезайте! Не поеду в таком дурдоме!

Ты ругаешься с водилой и уговариваешь маму еще чуть-чуть потерпеть. Хватаешься за ляжки, чтобы она не видела, как бешено тебя трясет.

– Будто ногу поливают кипятком... из чайника, – бормочет обессиленно.

Потом тебе скажут, что так отмирают ткани, и мозг привычно утащит этот факт в копилку актерских наблюдений. Идиотка. В последние часы маминой двуногой жизни тебя занимает эпюд «Боль»?!

Мертвую ногу отрезали в четыре дня. Хирурги отвоевывали у гангрены то лодыжку, то колено, но гидра вцепилась высоко. Остался уродливый косою обрубок в двадцать саниметров.

Она выла над культей, как над мертворожденным ребенком, а через неделю спокойно сказала:

– Лучше бы отрезали вторую грудь.

В нынешней войне как-то подзабылась ее мастэктомия, хотя минуло всего полгода. Ты еще помнишь, как она причитала: перестала быть женщиной...

Мама относилась к бедам, как барон Мюнхгаузен: погоревала над утраченной грудью, вытащила себя за волосы, да и пошла жить дальше. К моменту выписки из «Герцена»³⁹ уже шутила, что стала настоящей одногрудой амазонкой.

– Я ведь Стрелец, – замечает невпопад.

Ты делаешь понимающее лицо.

О том, что опухоль – злокачественная, известно лишь тебе да хирургу. Он утешает на прощание:

– Десять лет мы гарантируем. Отрежем вторую грудь – это пять лет, удалим матку – еще пять.

«То ли мясник, то ли прораб», – думаешь ты, высчитывая предполагаемую дату, и ахаешь. Значит, маме будет всего пятьдесят два, когда...

Ты долго боялась взглянуть на уродливый змеиный шов, оставшийся вместо ее левой груди. Теперь настраиваешь себя на то, чтобы не заорать, когда увидишь остаток ее правой ноги. Детский ужас преодолевается как-то незаметно: времени нет. Надо бороться со свищами, обрабатывать швы и баюкать ее холодную «ножку», когда выматывают фантомные боли.

Она права: нога – не грудь. Совсем иное качество жизни. Достает маму из ванны, несешь в комнату на руках. Она еще неловко ходит на костылях и боится упасть. То было странное время, наполненное взаимной вежливостью малознакомых людей.

– Тебе нетрудно сходить за пледом?

– Конечно! Сейчас принесу.

– Положить еще картошки?

– Да, пожалуйста. С удовольствием съем.

В словесном менюэте избегаете темы развода и почти не упоминаете отца. Возвращение в проклятый дом произошло само собой. С папой вы встретитесь спустя несколько месяцев. Он занят освоением целинных земель капитализма, а ты – проблемами работающей матери. Вы с мамой навсегда поменялись ролями.

Постепенно налаживается быт, совмещаются картинки учебы, домашнего хозяйства и частных уроков. Возвращаетесь на изъезженную колею стычек.

– Будто замуж опять вышла за папашу твоего поганого! – кричит мама.

Ее раздражает твоя мимика, словечки и невесть откуда взявшийся властный характер. Все напоминает о бывшем муже. Она капризничает, как дитя, и дерзит, как несносный подросток.

Об этом на встрече с пампушкой ты умолчишь. Отыграешь роль все успевающей Кати из фильма про Москву, которая не верит слезам.

Нынче он оценивает твою нагрузку на сорок процентов от максимальной. Ты улыбаешься, придирчиво разглядывая его внешний вид. Ухожен, подтянут и как будто даже помолодел. Колет глупая детская ревность: о нем заботятся лучше тебя.

* * *

К четвертому курсу жизнь налажена и выверена по всем пунктам. Твоей занятости умудряются завидовать однокашники, которые не замечают лапши на ушах. По легенде, ты заведешь частной школой английского языка в своих Мытищах, и чемоданами копится *зелень* на квартиру в центре Москвы. Тип успешной бизнесвумен набирает популярность. Теперь среди мажоров немодно рассчитывать на золото партии, завалившееся у *предков*.

³⁹ Московский научно-исследовательский онкологический институт им. П. А. Герцена.

Как-то случайно глянула в зеркало: ох и права была Нимфа! На тебя смотрит сорокалетняя женщина, никогда не знавшая веселой студенческой праздности. Внезапно соглашаешься на безумную вечеринку, которую устроили университетские приятели. Ходишь по гигантской квартире на Ленинском с видом пресыщенного сноба. Разглядываешь великолепно расписанные потолки, элегантный рояль, японский «видик», французский комод (называется «буль»; узнать, что за слово).

Столы обильны и неряшливы неведомыми яствами из *валютки*. Сонька равнодушно ест киви и громко возмущается ценами. Она недавно побывала в Штатах. Наши валютные магазины непомерно дороги по сравнению с американскими. Ты поддакиваешь, будто бывала и там, и там. Держишь бокал диковинного кампари с апельсиновым соком и выдыхаешь дым – кто-то предложил пачку ментоловых «More», грех не попробовать.

Легкий прищур и нежная улыбка Елены Соловей из «Рабы любви». В предложенных декорациях смотришься уверенно, это главное. Поглядываешь на антикварные напольные часы: когда уже будет прилично откланяться? Справится ли мама? Одна в квартире с шести утра... Набираешь воздух для извинений (якобы спешишь на свидание; к подъезду подкатил серый «сааб 9000», пусть думают что за тобой), но вдруг застываешь.

Из гостиной слышится плач рояля.

Хозяин вечеринки Боб перебирает клавиши, не вынимая «Мальборо» изо рта. Облокачиваешься на черную полировку, не в силах держать спину. Автор волшебной музыки все разгадал, ему известна твоя настоящая жизнь. Мелодия взлетает осенними листьями и оседает в золе сердца. Ты не стесняешься слез, они не выбиваются из роли вдохновенного слушателя.

Мчится поезд событий, летят узловыe станции судьбы. Развод, трагедия с мамой, нелюбовь...

– Я знаю. Зна-а-а-ю, – выпевают руки Боба.

Мощное форте сменяет пианиссимо; ты ощущаешь тяжелый мешок на плечах. Должно быть, таскаешь его очень давно.

Раскатистая мольба в конце. Кто бы ни написал эту музыку, он – гений. Ты только что прочитала личное музыкальное письмо; затерялось в пургу ямщиком, а теперь нашлось.

– Что ты сейчас играл?

– Рахманинов, «Элегия».

Боб тушит сигарету, допивая выпендренный французский коньяк. Он встряхивает челкой и улыбается. Поблескивает золотая оправка, и так восхитителен расстегнутый ворот его заграничной рубашки.

– There's music in all things, if men had ears⁴⁰, – провозглашает он.

В глазах его – синий насмешливый иней, на правой руке – серебро браслета с вечным соломоновым девизом. И это пройдет...

Няня-англичанка, известный пианист с трех лет учил его музыке, пока родители-дипломаты обживались в Новой Зеландии. Нет, не для тебя придет весна, Галюня. Живет он в системе Альфа Центавра. Даже не думай...

– Как з-здорово ты с-сказал.

– Леди, это сказал некто лорд Байрон, – смеется Боб.

В элитных студенческих кругах, куда тебя допустили по ошибке, за наглое вранье, выше всего ценится легкость бытия. Боб и компания изящно выпускают из сознания грубую прозу. Они и в самом деле не замечают разрухи, нищеты и стрельбы у Белого дома. Светские беседы порхают невесомой стрекозой. Здесь свободно переходят на основные европейские языки, читают Апдайк в оригинале и обсуждают стилистику Библии в прозе О'Коннор. Подначивают

⁴⁰ Музыка – во всем, если бы люди умели слышать.

друг друга так тонко, так изысканно – тебе не угнаться. Они фланируют по улицам высокой литературы, пока ты рыщешь по закоулкам в поисках съестного.

Какое счастье, что Олежке незнакомо слово «инверсия»!

...Ты знакомишься с ним в электричке – фортель, который, как выяснилось, никто из вас прежде не выкидывал.

«Это Стинг, Shape of My Heart. Тут у меня еще записаны «Квины», «Машина», «ДДТ»...

Что ж вы такие тяжести... да еще и через мост?

Стругацкие, «Мастер и Маргарита», Конецкий... Может, тачку поймаем?

Шервуд Андерсон, он не космонавт? Даже не слышал...

Инженер-механик. В Королеве на «Энергии». Да мы соседи! Аспирантура приказала долго жить.

Давай в «Патио Пицца» на Кропоткинской? Вот и побываешь.

Ты что, собиралась платить САМА?

У тебя обалденный голос! Ты так здорово поешь!

Максимальная тяга. Сверхзвуковые струи. Расчетные газодинамические нагрузки. Должен был на Хруничева проходить, но практиковался на Туполева. Испытываем на стендах.

Да они – нормальные люди, не бойся! Обычные мировые родители.

Может, махнем на Селигер? Почему – невозможно?

Ежики из паштета... А я думал – мыши, ха-ха. В жизни ничего вкуснее не ел.

Очень приятно, Алевтина Михайловна. А я – Олег Барский.

Досталось тебе, девонька, вижу...

Как – прям вот так, с тобой? Думал, на раскладушке... А как я утром посмотрю твоей маме в глаза?

...жить не могу! Какая ты горячая! Ходи сюда, овечка моя...»

– Папа, я кажется замуж выхожу...

– Подожди. Сначала я должен его как следует осмотреть.

* * *

Иногда удается прочувствовать фразу «прожить один день – как тысячу лет». Кадр за кадром, насыщенный монтаж, ни одного случайного действия. В кино это называется бобслей: снимаются самые яркие фазы, за счет чего создается великая иллюзия. Зрителям кажется, что весь путь героя – такой же захватывающий.

Вот прочирикали птицы: «Наконец-то! Наконец-то!» Свежим холодным воздухом проникает в висок свобода. А бледное небо, казавшееся в тот момент, разумеется, лазоревым, отметились ясной улыбкой.

Вспоминая день свадьбы, ты потом удивишься: вдыхала запах южной магнолии и видела яркие краски сирени. Откуда взялись бенгальские всполохи и вся эта феерия, ты ведь даже шампанского не пригубила!

А двор стыдливо сетовал на желтые пятна, что замарали снежное полотно. А родимая девятиэтажка отчаянно прикрывала серые грубые швы – маскировку панельных щелей. И старик, копавшийся в мусорном контейнере, деликатно отходил в сторону. Он старался не попасть в кадр фотосессии: синяк под глазом только-только начал желтеть, в тот день он не был фотогеничен.

Никому из собравшихся во дворе не слышен голос ангельской певицы. Про сады, что цветут один лишь раз, она поет исключительно для невесты.

И ты не можешь очнуться от сумашедшей весны в декабре. Вглядываешься в морозную даль, из которой на синей «вольво» показался твой Грэй.

Ты хочешь выкрикнуть хрестоматийное «*Как долго я тебя искала!*», но скажешь только лет через десять, когда поверишь в то, что тебя можно любить. Так неистово и беззаветно, как только и умеет неразговорчивый однолюб с инженерным мозгом...

А пока длится целую вечность минута, которая отделяет старую деву от счастливицы, запрыгнувшей в последний вагон.

В тот день тебе исполнился двадцать один год и шесть месяцев.

И память навязывает буйную сирень на зимних кустах.

* * *

Через несколько лет Олег задумается о переезде в зеленый пригород к югу от Москвы. Детям нужен воздух березовой рощи. Найдет подходящий вариант и предложит его на семейном совете.

Вы с мамой крикнете «Да!!!» с такой свирепой радостью, что он оцепенеет.

Вот избавление от проклятия. Только счастливая жизнь впереди!

Глава 8. Кружок профессионалов

Удачный день: она появится дома раньше восьми. Душ, смывающий безысходность дня. Горячий чай с лимоном и сахаром. Сегодня заслужила даже коньяк, но – нет. Завтра опять рано вставать плюс папашины гены. Лучше перебдеть. Одиночество, транквилизаторы, пусть и легкие, да еще женский алкоголизм впридачу? Спасибо, не стоит.

На днях заведующая Трубникова подкинула трех тяжелых детей. Бодрая и незатейливая, как пионерский горн.

– Разберетесь там, Инна Ивановна. По-моему, родители скрывают настоящий диагноз.

Трубникова, конечно, профессионал. Иначе связываться с детсадом «Солнышко» не имело смысла. На частных учениках заработаешь быстрее и проще. Бдительность заведующей невинными диагнозами не усыпить. ЗПР⁴¹ и СДВГ сейчас встречаются у каждого первого ребенка. Родителям кажется, что они самые умные. Прикрылись модными аббревиатурами и думают, что проскочат в школу на дурачка. Однако есть еще глаза, интуиция и опыт педагога. Алалия и дизартрия теперь выглядят цветочками на фоне шизофрении и аутизма.

...Инна Ивановна Буйнова, логопед-дефектолог высшей категории, возвращалась домой. Она мечтала о том, чтобы мозг захотел передышки и заткнулся. Устала от нескончаемых монологов в голове.

Сумки с учебными пособиями цепляли асфальт. В отдельном пакете подтекала курица, которую она приготовит по любимому рецепту Славика, а после – выкинет в помойку: нет аппетита. Из расхристанной дамской торбы, походившей на санитарную сумку времен Отечественной, торчал батон хлеба – для неходячей соседки по лестничной клетке.

Невнимательному прохожему на за что не разглядеть тихое отчаяние в ее глазах. В свои пятьдесят три Буйнова сойдет на тридцать восемь – идет бодро, не позволяя расплзаться по швам даже в безлюдных переулках. Физических сил пока хватает, слава Богу. А о душевных силах никто не спрашивал, пока однажды она не познакомилась с Галиной.

Рутинный звонок: вас порекомендовали... поставить шипящие звуки... в любое удобное время. Буйнова лишь отметила про себя, что впервые ее не просят поставить *буквы*. В кои-то веки нашлась грамотная мамаша. Теперь и в телевизоре – одни невежды! Звезды, политики, ведущие, дикторы. Слушать стыдно. Учат правильно какать в программе «Здоровье»... Жаль, что только такая у нас повестка. А при мне уродовать язык не позволю! Буквы – читаем и пишем. Звуки – слышим и произносим!

Галина ей понравилась остротой ума и энергичностью. Сразу считывался объем повседневной нагрузки, диссертация и так далее, со всеми остановками. Русская долюшка женская, знаем.

Сыну Саше – пять. «Нам сказали, с шипящими надо подождать до пяти». Миф очередной, к тому же вредный. Сегодняшних дошколят приходится обучать с рождения, чтобы успеть к первому классу. Какой идиот разрабатывал новые стандарты?! Дети лишены возможности играть! Безграмотность, равнодушие, полная утрата концепции просвещения. Хоть бы прислушались к Безруких или, скажем, Петрановской.

И родители туда же. Каждому не терпится впихнуть в дитя как можно больше знаний; амбиции и понты. Замордовали «развивашками», а штриховать никто не умеет, что уж про логическое мышление говорить. Карандаш держать правильно не могут!

⁴¹ Задержка психического развития.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.